

Ирина Андреева

*Чтобы жизнь
повторилась спага...*

563422

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

**Автор
Андреева И.С.**

**Ирина Андреева родилась в городе Петропавловске.
В 2006 году в первом номере журнала «Провинция»
вышла в свет хроника ее семьи
«Чтобы жизнь повторилась сначала»,
где она рассказала о жизни своей бабушки
Ольги Ивановны Зaborовской
(урожденной Ворониной).**

**Далее главы ее семейной хроники публиковались в
№1, №4 2006 года №3 2010 года и в №2 2012 года**

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ ПОВТОРИЛАСЬ СНАЧАЛА

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Было это на стыке веков, в 1900 году... Маленькая Оля Воронина (моя бабушка) приехала в Ворожбянское имение к своей тетушке Поле и дядюшке Аристиду по очень печальному поводу. У них в семье случилось несчастье - умер сынок Мишенька двух лет от роду.

Собравшиеся на похороны родственники были в глубоком трауре и, как могли, старались поддержать безутешную в своем горе мать.

В помещичьей усадьбе, по воспоминаниям Оли, в это смутное время все дышало запустением: дорожки в саду поросли травой, кусты сформированы неправильно, беседки давно не крашены - во всем чувствовалось отсутствие крепкой хозяйской руки. Муж тети Поли - Аристид Федорович Назимко - уже год как лежал прикованный к постели после инсульта.

Оле даже показалось, что и в самом имении все как-то сузилось и уменьшилось в размерах. Тяжелая рука времени легла и на барский рояль. Резьба с золотой надписью "Санкт-Петербург" покоробилась, клавиши пожелтели... Однажды Оля хотела сыграть тете и дяде свою любимую "Славянскую песню", которую помнила, кстати, до глубокой старости и всегда наигрывала мне, но, пробежав пальчиками по клавиатуре, опустила руки. Увы, инструмент был не настроен и совершенно глух к стараниям Оли.

Портреты на стенах старинного дома почернели и глядели со стен хмуро и недовольно. Да и чему радоваться - несчастье следует за несчастьем.

Сейчас рояль был задвинут в самый угол, а в центре большой комнаты стоял гроб с маленьkim Мишенькой. Все сидели и стояли вокруг. Пахло валерьянкой. Олеся тихо плакала, ни на минуту не отпуская руку своего отца, стоявшего рядом.

Неожиданно она подняла глаза и увидела нечто совершенно невозможное! В проеме двери в соседнюю комнату еле сдерживалась от смеха кривляющаяся мордашка шестилетней двоюродной сестры Нины, старшей дочери Полины Петровны и Аристида Федоровича. Черноглазая бестия Нинка, скрытая от глаз убитых горем родных, из глубины комнаты корчила рожицы Оле. Казалось, она нисколько не печалилась о смерти своего родного брата.

Представьте себе, она скосила глаза к носу, правой рукой зажала рот, чтобы не фыркнуть от смеха, давившего ее по неизвестной причине, раскраснелась как помидор, и даже притопывала правой ногой об пол. Кроме того, она подталкивала свободной рукой свою младшую сестричку, четырехлетнюю Верочку, вперед себя. Малышка упиралась руками и ногами в пол, тихонько хныкала и боролась с Ниной.

Эта картина непонятного веселья была таким диссонансом окружающей атмосфере, что слезы на глазах Оли моментально просохли. "Не сошла ли Нина с ума?!" - ужаснулась Олеся. Но кривлянье одной кузины было до того уморительным, а беспомощное барабахтанье другой до того забавным, что Оля, к своему

стыду, заметила, что ей самой тоже хочется улыбнуться! Во всяком случае, эту картину моя бабушка запомнила очень отчетливо и живописала мне ее так ярко, что я, слушая ее в детстве, тоже смеялась, при всем трагизме ситуации.

Видимо, долго выдержать эту пытку восьмилетняя Оля не могла, а Нина с Верочкой не унимались, т.к. были предоставлены сами себе. Наверное, детская психика в этом возрасте защищена от потрясения, а смерть - понятие настолько отвлеченное, что не ранит детское сердце глубоко. К тому же все взрослые вокруг твердят: "Душа Мишеньки ангельская... на небесах ему непременно уготован рай". Мысль, которая приходит впоследствии к каждому ребенку, появится позже: "Зачем я живу, если все равно будет конец... Если все равно наступит момент, когда меня не станет...".

АРИСТИД

Похоронили Мишеньку на кладбище близ города Ворожба Сумской губернии. Но несчастья на этом не закончились...

Полина Петровна
Назимко

Аристид Фёдорович
Назимко

А начались они, пожалуй, еще тогда, когда юная тетя Поля (Полина Петровна Воронина) собралась замуж за Аристида Федоровича Назимко.

Жених был небогат, но красив и очень родовит по материнской линии. Его мать в девичестве носила звучную фамилию Розеншильд фон Паулин.

Тем не менее родители невесты были против этого брака: не было уверенности, что их дочь будет счастлива с этим легкомысленным красавцем-брюнетом.

Сквозь века не доглядеться, но молодые, обвенчавшись, кажется, были довольны своим браком. Под-

тврждснисем тому служит появление в семье троих детей: Нина - это понятно, первый ребенок, но через два года появилась на свет Верочка, и, наконец, долгожданный сынок Мишенька.

Но почему же тогда столько горечи в письмах из Ворожбы, сохранившихся в нашем семейном архиве? Письма эти обращены к моей бабушке и написаны Верочкой, младшей кузиной моей бабули. По датировке писем ясно, что им обеим было уже за восемьдесят лет:

"...Олечка, будь добренькой, напиши мне. Ты все-таки старше меня на 4 года и многое помнишь из нашего детства. Что тебе известно о моем папе? Почему он оказался в Ворожбе? Он ведь уроженец Кишинева? Все это хоть на старости лет меня очень интересует".

"...мне говорили, что папа с мамой жили плохо, что папа очень пил, изменял маме, и потому мама очень переживала и получила порок сердца..."

Так вот, значит, каким был Аристид Федорович Назимко?! - Мучил бедную Полину Петровну и всех окружающих своим поведением, а потом (получив инсульт и парализацию) принес столько горя своей инвалидностью. Да, долгим ему показался век: болезнь приковала его к постели на целых 20 лет!!! В детстве я ничего не знала об образе жизни Аристида Федоровича и очень жалела его, когда бабушка рассказывала мне о парализованном дяде Аристиде...

Двоюродные сёстры:
Нина Аристидовна Назимко (слева)
и Ольга Ивановна Воронина (моя бабушка)

Последней каплей в несчастной жизни Полины Петровны Ворониной (Назимко). конечно, стала смерть сына Миши - этого она не перенесла... После похорон болела и увядала. Однажды она пригласила к себе в имение своего брата Ивана Петровича Воронина (отца Олењки). Именно на него уповала бедная женщина. Неужели брат с его добрым сердцем откажется приютить двух родных племянниц, если с нею что-то случится?! Полина Петровна просила Ивана Петровича не оставить сироток, дать им окончить гимназию, получить хорошее образование, т.к. Аристиду Федоровичу, отцу девочек, самому нужна помошь. Молила она и свою старшую дочь Нину (ей было тогда уже 12 лет):

"Ниночка, не оставь Верочки! Будьте всегда вместе". Когда моя бабушка рассказывала мне все это, глаза ее наполнялись слезами.

Да, смерть не хочет щадить никого. Полина Петровна умерла. Иван Петрович Воронин слово свое сдержал: племянниц своих забрал к себе. Здесь для них всегда был готов и стол, и кров. Нина и Вера учились в гимназии, а на каникулах сестры возвращались в имение. Эти барышни, черноглазые смугллянки, были всегда очень хорошо и стильно одеты. У нас в семейном альбоме есть фото: Нина сфотографирована с Олей (моей совсем еще юной бабушкой). Две молодые девушки задумчиво смотрят вдаль. Нина нежно прижимается к плечу своей двоюродной сестры, но этой идиллии не стоит доверять и умиляться. Жгучая брюнетка Нина сохранила свой буйный нрав и во взрослой жизни.

Посудите сами: ведение хозяйства в имении на каникулах было возложено на Нину, но скоро все заметили, что она из этого извлекает свою выгоду, забывая при этом Веру. Ей ясно дали понять, что это мелко и непорядочно, но Нина даже ухом не повела.

Умерла скоро и бабушка Нины и Веры, оставив Аристида Федоровича на их попечение. После ее похорон обнаружили, что в комоде и гардеробе бабушки не хватает ценных вещей. Спросили о них у Нины, на что Нина Аристидовна, не моргнув глазом, ответила: "А эти ящики были пустыми". Возмущенные родственники даже хотели подать в суд, но Нине это так и сошло с рук - все-таки не хотелось позорить племянницу, у нее ведь вся жизнь впереди.

Чуть позже мой прадед решил дать возможность своей оборотистой племяннице реабилитировать себя в глазах родных и вручил ей деньги на памятник недавно умершему отцу Нины и Веры. Так Нина и тут "скомбинировала" в свою пользу, не думая при этом о своей младшей сестре Вере.

По письмам просматривается какая-то тяжба с флигелем, незаконно присвоенным Ниной. Видно, что вся семья Ворониных презрительно относились к махинациям и авантюрам Нины, да отказаться от сирот не позволяла честь, ведь это дети их покойной сестры - родная кровь. Кто знает - если бы Полина Петровна не умерла так рано, может быть и Нина была бы иной? В общем, сказано достаточно, чтобы нарисовать полный портрет Нины Аристидовны, но близкие простили ей все прегрешения.

Только одного не могли простить Воронины Нине - ее отношения к родной младшей сестре, Вере! Вот краткая выдержка из письма Веры к моей бабушке: "Нина всегда была со мной резка и все, бывало, твердила: "Отстань! Я тебе не мать, ты мне не дочь". Эта фраза стала девизом Нины и звучала в разных контекстах. В раннем детстве эти слова вызывали у Верочки потоки горьких слез. С годами Вера научилась не беспокоить сестру и сдерживать эмоции..."

Вот тебе и завет тети Поли: "Нина, не оставь Верочку! Будьте всегда вместе".

Семья Драновских

Видимо, за все грехи Нина была наказана жизнью, судьбой, Богом... Ей никак не удавалось устроить свою личную жизнь. Будто венец безбрачия лежал на ней и её младшей сестре Верочки.

Последняя вообще не выходила замуж, не было у Веры и деток. Нина же лишь под 40 лет устроила судьбу. Кстати, и тут не обошлось без скандала: она увела мужа из семьи.

Михаил Иванович Драновский был уже немолод (за 50 лет!), поэтому оставим на его совести, то что он покинул первую семью, тем более что нам неизвестно, как ему там жилось? Были ли у него дети? Можно лишь повторить известную истину: на чужом несчастье счастья не построишь!

Получив развод, Михаил Иванович, тут же зарегистрировал брак с Ниной. Новая семья Драновских уехала в г. Малоярославец Московской области, где на свет появился сын - Юрочка. Этот поздний ребёнок принёс такую радость супругам! Михаил Иванович Драновский был директором Средней Школы, в которой Нина Аристидовна Драновская преподавала математику.

Видимо ребёнок, божье благословенье, делает людей мягче: Нина вдруг вспомнила мамин наказ: «Не оставь Верочку!» Веру Аристидовну приблизили к себе настолько, что взяли в директорскую квартиру, прямо при школе, обеспечили работой, приняв в штат школы, но ... ровно на тот период, пока Юрасику нужна была

нянька, а как только необходимость в ней отпала, её опять отселили на отдельное, одинокое житьё.

Вера Аристидовна уехала в свою сырую, холодную квартиру в Ворожбе.

Я помню её согнутой старушкой, очень маленького роста, седенькую, с чёрными глазками-буравчиками, вечно кашляющую, насквозь простуженную — именно такой приезжала она к нам, к моей бабушке, своей двоюродной сестре в 60-ых годах. Кроме того, Вера всегда была предана Нине и разговоры у неё были только вокруг сестры: «...когда к Драновским не придёшь, - говорила она, - Нина удручена, печальна. Всегда жалуется на свою тяжёлую жизнь в семейном отношении...».

А что же случилось в семье у Драновских?

Сумасшедшая, всепоглощающая любовь Нины Аристидовны и Михаила Ивановича к своему чаду, как и следовало ожидать, принесла неутешительные плоды. Сыну и в детстве было дозволено всё, исполнялся любой его каприз, все умилялись его рассуждениям, выделяли за столом самый лакомый кусочек. Педагоги делали снисхождение директорскому сыночку. Как же — это же Драновский! Род Юрочка оболтусом, дармоедом и эгоистом. Из уважения к былым заслугам Михаила Ивановича / тот давно был на пенсии, ведь было ему уже за 70 лет/ Юру, попытались пристроить при школе сначала пионервожатым — но он проявил пристрастие к спиртному. Сделали его завхозом — тут он совсем распоясался. Учиться дальше Юрий не хотел и всё чаще прикладывался к бутылочке.

Отец побелел, поседел от горя. Ему было очень стыдно за сына. Но постепенно Михаил Иванович Драновский погружался в маразм от прогрессирующего склероза, впадал в детство - в общем, Нина Аристидовна оставалась одна со стареньkim больным мужем и спивающимся сыном. Вот письмо Нины, сохранившееся в бабушкином архиве, она, не скрывая, пишет своей двоюродной сестре: «... у нас невесело. Миша чувствует себя плохо, говорит что попало, сердится, волнуется, кричит, выживает из ума и вообще... один ужас! Во всём он винит меня. Юра же совсем чужой, домашнее положение его не трогает. Сын дома - гость, вернее квартирант на полном пансионе. Он тяготится даже ведро воды принести или вынести мусор. Не только материально, но даже делом не хочет помочь в хозяйстве: занести дрова с улицы, заплатить за свет и т.д. В кого он такой? Ума не приложу!»

Да, не думали родители, что обожаемый Юрочка станет их позором, палачом, могильщиком... Михаила Ивановича Драновского разбил паралич в 1962 году.

Нина Аристидовна была помоложе своего мужа, но силы её были не бесконечны. Так, разрываясь между больным супругом и деградирующим сыном, она скончалась в возрасте 68 лет.

Верочка совсем подорвала здоровье на похоронах единственной сестры.... Сколько боли в последнем письме Веры Аристидовны: «...Умерла Ниночка... Я после похорон осталась ненадолго в Нинином страшном доме: готовлю Михаилу Ивановичу поесть. Речь у него после инсульта немножко восстановилась, но понять его ещё очень трудно. Кормить его тоже непросто,

да и руки у меня сильно трясутся, так что кормит его и прибирает за Мишой домработница, много лет прожившая в доме Драновских. Но она, конечно, скоро откажется. Юре отец совсем не нужен. Драновский младший запил ещё страшнее. Приходит для того, чтобы утащить деньги у живого ещё отца. Я в этом для него помеха, поэтому можешь представить себе, Олечка, как он меня ненавидит! Он уже продал Ниночку швейную машинку за 25 рублей, а вчера утащил из дома отцовский хороший костюм. Теперь то на одном, то на другом углу валяется в снегу. Его все знают, поэтому подбирают и ведут домой или везут на саночках. Бедняжка Нина! Сколько ласки и заботы проявляла она к этому двуногому существу, а в ответ слышала только грубую брань. Как она страдала... »

Последние дни четы Драновских

С 1 по 16-е января 1963 года в состоянии Михаила Ивановича наступил кризис. Он никого не узнавал, умер в страшных мучениях. А за 2 дня до его смерти его явился Юрий и рассказал своей т. Вере, что уволен с последнего места работы за пьянство, безответственность, бездеятельность и задолженность.

Так Юрий Драновский уничтожил и мать, и отца, и себя, и всю фамилию Драновских. Моя бабушка писала Вере: «Утешением тебе в траурных мыслях должно служить то, что Ниночкин муж был прекрасным человеком».

Но Вера на этот счёт не обольщалась: «...Нина мутилась при жизни как с сыном, так и с мужем. Михаил Иванович приложил руку к смерти Нины нисколько не меньше Юрия. Ты совсем ничего не знаешь об их жизни в Малоярославце. Обо всём знала только я. Нине тяжело и неловко было говорить об этом. Все вокруг думали, что они прекрасно живут...»

С виду очень крепкая женщина, какой мы видим Нину Аристидовну Драновскую на снимке, сломалась внутри уже давно. Долго тянуть эту лямку она не могла. Нина умерла в августе 1962 года, Михаил в 1963 году в январе, Юрий вскоре умер от алкоголизма.

Таков был бесславный конец семьи Драновских.

И снова Драновские

Верочка долго ещё жила в полном одиночестве, с тяжёлым грузом страшных воспоминаний. Здоровья ей не было дано от рождения, а пенсия для педагогов, на которую отважилось расщедриться государство, была

мизерной. Моя бабушка собирала посылки, отправляла денежные переводы своей двоюродной сестре. А милая бабушка Вера (царство ей небесное!) бывало, отвечала нам фруктовой посылкой с Украины.

Я была ещё ребёнком, но помню, как мы с мамой нет-нет да и выходили на перрон петропавловского вокзала встречать пассажирский поезд, из рук проводника одного из вагонов получали ящичек. Дома из-под крышки деревянного ящика разливался дурманящий запах антоновки.

Однажды, я обратила внимание на то, что эта самая крышка на внутренней стороне имеет ещё один адрес. Значит кто-то кроме нас посыпал старушке посылки; а она в свою очередь, отсылая угощение нам, использовала этот же ящик повторно. Меня заинтересовало: кто же эта добрая душа, которая принимает участие в судьбе нашей бабушки Веры?

Обратный адрес гласил: г.Москва, ул. Часовая 185, Дмитрий Иванович ДРАНОВСКИЙ?!

Так я узнала, что у Михаила Ивановича есть родной брат. Когда бабушка Вера умерла, сообщили нам об этом именно Дмитрий Иванович и Мария Тимофеевна Драновские. И завязалась у нас с ними переписка, из которой мы узнали, что их дочь-Лида-киноактриса, имя которой широко известно и порулярно не только у нас в стране, но и за рубежом. Они рассказали об этом так буднично, что на меня тогда это сообщение впечатления сильного не произвело, да и забылось со временем.

Лишь лет через 30-40, в наши дни, когда я взялась перечитывать архивы моей бабушки, я прочитала в од-

ном из писем Веры Аристидовны: «... дочь родного брата Михаила Ивановича Драновского - актриса, вы можете посмотреть на неё в фильме «Поезд идёт на восток». Посмотрите, фильм прекрасный! И Лидочка там снялась в главной роли».

Прошла целая вечность... Только полвека спустя меня заинтересовала такая замечательная параллель семьи Драновских.

И вот, будто специально, когда я писала эти воспоминания о своих родственниках, по центральному телевидению показали публицистическую передачу «Серебряный шар» о ЛИДИИ ДМИТРИЕВНЕ ДРАНОВСКОЙ.

Ведущий сказал: «... речь пойдёт об актрисе, которую сейчас мало кто знает, так как она известна кинозрителям 40-50-х годов, а должны её знать все!»

В 1946 году Юлий Райзман снял картину «Поезд идёт на восток». В фильме рассказывается о встрече в поезде двух молодых людей: советского офицера и моденькой девушки, Зиночки/ роль которой сыграла выпускница ВГИКа, Лидия Драновская/. Триумфальное шествие фильма по экранам страны не оставило никого равнодушным.

Но фильм не понравился Сталину. У Иосифа Виссарионовича была привычка поздними вечерами на да-

56342.2

че просматривать новые фильмы. В этот вечер «отцу народов» привезли фильм «Поезд идёт на восток». Stalin всегда бывал раздражён, если на экране показывали душевную свободу, которая была присуща светлому образу Зиночки, в исполнении Лидии Драновской.

Stalin не досмотрел фильм до конца и, встав, обратился к сыну Василию: «... я, пожалуй, сойду на этой станции», на что Вася Stalin ответил: «А я бы с этой девушки доехал до конца».

Этого высказывания И.В.Stalina было достаточно, чтобы фильм сняли с проката и положили на полку. Слава Богу, что плёнку с фильмом «Поезд идёт на восток» не размагнистили, и мы можем сейчас посмотреть этот фильм. Какая же там Лидия красавица!

А что стало с Лидией Драновской потом?

Она скромно жила с мужем на окраине Москвы и хранила чемодан с восторженными, благодарными письмами кинозрителей. После резолюции Stalina, Лидию Драновскую стали снимать незаслуженно мало. Она попросила мужа сжечь все письма, что он и сделал. Так Lida сожгла мосты к своему прошлому. Dрановская не озлобилась от этого удара судьбы, не было в ней никакой агрессии. Жила она очень ровно и достойно.

В конце 40-х годов ей снова улыбнулось кинематографическое счастье, да иначе и не могло быть-уж очень у неё был яркий и светлый талант! В Ереване снимался фильм «Второй караван», где главную роль должна была играть Валентина Серова. Но, Серова, звезда первой величины, приехать не смогла, была за-

Северо-Кавказский
областной краеведческий
музей им. С. АЛЖИМОВА
г. Петровск-Забайкальский

нята в другом фильме-вот тогда и вызвали в Ереван Лидию Дмитриевну Драновскую, как актрису близкую Серовой по типажу. Так Лидия снялась у режиссёра Бекназарова, после смерти Сталина, в фильме Басова: «Нахлебник». След её далее теряется...

И тут ведущий телепередачи «Серебряный шар» Виталий Вульф вдруг сообщил: «В 1993 году в Америке я встретил неожиданно пожилую Лидию Дмитриевну Драновскую с дочерью Катей. Муж Лиды давно умер, а дочь стала профессиональной переводчицей и объездила с матерью весь свет! Они всегда неразлучны: были во многих странах Европы, в Австралии, в Аргентине. Об артистической карьере Лидия Дмитриевна не помышляла больше, хотя с лёгкой грустью вспоминала свою позднюю актёрскую удачу в фильме Алова и Наумова «Скверный анекдот»».

Вот и закончен рассказ о семье Драновских. Судьба играет человеком «...то вознесёт его высоко, то в бездну бросит без следа»: так у двух родных братьев Драновских (Михаила Ивановича и Дмитрия Ивановича) дети (двоюродные брат и сестра) настолько полярно разошлись в жизни, что даже неизвестно: знали ли они друг друга?

"АНДАЛУЗСКИЙ ТАНЕЦ"

У нас, в семье бытовал такой рассказ: однажды, когда мне было 3,5 года, я закатила страшный рев. Дело в том, что мне хотелось послушать пластинку с названием «Андалузский танец». Ее включали, но под этим названием я представляла себе что-то совсем другое, а потому, не услышав желаемого, ревела еще громче. Наконец, соседка из дома напротив, открыв окно в наш маленький уютный дворик, закричала: «Ира, прекрати!» После этого случая, если я на чем-то настаивала, домашние говорили: «Начинается «андалузский танец»...»

Мое упрямство в дальнейшем то помогало мне в жизни, то мешало. Судите сами: историю моей семьи я начала писать с упорством, достойным истинного козерога, задолго до выхода в свет журнала «Провинция». Писала, как говорится, не ради славы, а "в стол" - для моих потомков, которых я и сама, может быть, еще не знаю. Моя младшая дочь, шутя, называет меня архивариусом, что в толковом словаре трактуется как "заведующий архивом". Так я и есть заведующая семейным архивом! В моем ведении тридцать фотоальбомов, письма, дневники, документы. Когда я начинала изучать все перечисленное, я и не думала, что это занятие будет таким захватывающим!

*...Все мне дорого, каждая малость,
Каждый миг в отдаленье любом,
Чтобы все это не потерялось,
Сохраните семейный альбом!
И летят за страницей страница
Наших дней верстовые столбы.-
А в домашнем альбоме хранится
Фотокопия нашей судьбы*

Любовь к эпистолярному жанру привила мне моя милая бабушка - Зaborовская Ольга Ивановна, языковед, преподаватель немецкого и французского языков средней школы № 1 им. Ленина с 1936 года, руководитель городской секции преподавателей иностранных языков, преподаватель железнодорожного техникума, а с 1948 года - преподаватель учительского института г. Петропавловска.

Бабушка и я у родного окна

Ольга Ивановна Зaborовская

Жадно, как губка, впитывала я бабушкино повествование о ее необыкновенной жизни. Ольга Ивановна пела мне песни, музиковала на стареньком фортепиано, рассказывала сказки, но чаще всего я просила ее рассказать о себе. Она щедросыпала меня живыми историями своего прошлого.

Кажется мне, эту картинку я вижу сама: совсем маленькой сижу у бабушки на коленях, она мне что-то говорит или поет, я смотрю ей прямо в глаза, вижу обязательную брошку на платье, чувствую запах ее духов и вдруг... бух! -падаю головой ей на грудь! Все! Конец всем рассказам, буду спать! Она говорила, что сигнал этот - падение головы моей ей на грудь - означал: рассказывать еще что-то бесполезно (а рассказать-то ей было о чем). Позже, уже школьницей, я была допущена к замечательному семейному архиву, который трепетно сохраняли все члены нашей семьи. Архив мне довелось прочитать не один раз, при этом со мной происходило примерно то же, что с человеком, многократно перечитывающим Библию: он всякий раз находит там что-то новое, понимает непонятое ранее. Сам же читающий полностью отрешается от реальной жизни и погружается в иную среду...

Особенно я люблю читать письма моей мамы - Зaborовской Елены Ивановны, а также моего дяди - Зaborовского Сергея Ивановича - они писали домой, в Петропавловск, своим родителям из Москвы, из химико-технологического института им. Менделеева, студентами которого они являлись в ту далекую пору, когда меня еще и на свете не было.

Но я чувствую себя живущей тогда, ощущаю себя их сверстницей, я столько знаю о ТОМ МИРЕ, в котором они жили, что больше меня знают только они сами, т.к. ощущают себя еще и изнутри. Я перемещаюсь во времени.

Это чудо! И совершили его мои мама, папа, дядя, дедушка - Иван Федорович Заборовский, кропотливо и аккуратно "верстающий" отдельные "главы книги" жизни своих детей, а также далеких и близких предков начиная с 1890 года до нынешних дней. Не сделай они этих замечательных подшивок, не сохрани документы в надлежащем порядке - все потерялось бы при многочисленных персездах, разлетелось бы по квартирам, по ящикам письменного стола...

Теперь, когда я могу, не выходя из дома, путешествовать во времени, бывает, сравниваю себя с птицей, парящей высоко (надо читать: далеко от происходящих событий) и оценивающей все с высоты прошедшего времени. Я выбираю наиболее значимое и интересное, но тут я, наверное, совершаю ошибку - ведь "никто не обнимет необъятное". Поэтому, выдергивая отдельные факты из общей канвы изложения, у меня получается своя версия, но, конечно, менее удачная, чем сам подлинник. Бывает, при чтении я чувствую себя оракулом (прорицателем), т.к. знаю заранее, чем закончится эта эпопея... Недаром в старину ОРАКУЛ - это гадальная книга, а в античном мире -храм, куда обращались за предсказаниями жрецов...

Чем лучше я знаю историю моей семьи, тем глубже хочу проникнуть в нее... И тут нет ничего малозначительного, ненужного. Самая мелкая подробность, по-

черпнутая из ветхого документа, детского дневничка, выдержка из письма - все это дополняет и позволяет оценить глубину знаний и широту интересов моей бабушки. Часто она говорила мне: " ...Подумать только! Все-все, что есть в этой голове, уйдет в землю вместе со мной."

... Нет! Не ушло! Я расскажу вам все, а значит, по мере сил, выполню свой долг перед ее светлой памятью. Чтобы перечитать и осмыслить горы исходного материала, нужно много времени, желания и упорства, которого мне с детства не занимать. Так что эта работа - тоже своего рода «андалузский танец» моей нынешней поры. Как в омут головой, ухожу в мир фотообразов, слышу рассуждения моих предков со страниц старых писем и чувствую кровную принадлежность свою к родам Ворониных, Зaborовских, дорогих и близких мне людей.

СЕМЬЯ ВОРОНИНЫХ

Моя бабушка - Ольга Ивановна Воронина (в замужестве Зaborовская) родилась в г. Минске в семье начальника железнодорожного депо Воронина Ивана Петровича.

Вокзал в г. Кашедары.
И.П. Воронин (в центре) с рабочими депо

Жена Ивана Петровича - Мария Петровна Воронина (урожденная Литвиненко), как было принято в дворянских семьях, занималась воспитанием своих детей. Будучи женщиной образованной и интеллигентной, она знала в совершенстве два иностранных языка, прекрасно играла на фортепиано. В 1898 году Марии Петровны не стало - она заболела гриппом, который перешел в воспаление легких. Врачи не смогли спасти молодую

женщину. Так Иван Петрович овдовел, оставшись с тремя малолетними детьми: 8-ми, 6-ти и 4-х лет...

И не женился больше, не дал своим детям мачехи, не променял ни на кого свою Машеньку, Марию Петровну Воронину. Иван Петрович так же беззаветно любил и своих детей. Именно отцу пришлось поднимать «всю тройку», давать им хорошее образование.

Особое место в его сердце занимала единственная дочь Оля, любовно называемая им Ольга (с ударением на последнем слоге). Он гордился ею, красавицей и умницей. Главное, что ему импонировало в его любимице, - это наличие сильного характера, а отцу очень не хотелось, чтобы его Ольга была кисейной барышней, или, как он говорил, «курицей».

После смерти матери, а вернее, даже еще во время ее тяжелой болезни Оленька и два ее брата - старший Петр и младший Николай - были отвезены на ж/д станцию Ворожба к бабушке, матери Ивана Петровича - Ольге Ивановне. Конечно, полусироты были окружены вниманием и теплом, но детям никак не могли сказать, что они никогда уже не увидят свою маму. Бедняжка Оля в свои 6 лет даже писала письма, обращенные к маме; при этом так старалась, так давила на ручку, что рвала бумагу. Отец, приезжая к своей матери, смотрел на дочь со слезами на глазах, а Оля еще и спрашивала: «Ну как, маме уже лучше?» Что тут скажешь ребенку?

Наконец, дети узнали о постигшем их горе. Ивану Петровичу нельзя было долго предаваться отчаянию. Жизнь предъявляла свои требования.

Отец должен был думать о будущем своих детей, об их образовании. Именно в эту пору Иван Петрович передал их Надежде Григорьевне Литвиненко, бабушке детей по материнской линии, жившей в г. Ромны. Надежда Григорьевна была лучшим репетитором немецкого и французского языков в городе. Всю жизнь она была связана с реальным училищем, имела от него квартиру. И очень много сил отдала обучению своих собственных внуков.

Подготовила старшего внука Петра к реальному училищу, сразу во второй класс, не упускала из виду и свою внучку - Олю, а Коля был еще слишком мал. Итак, бабушки с любовью и нежностью занимались внуками поочередно, только очень ревновали друг к другу. Так прошло время до открывшейся для Оли вакансии в малолетнем отделении николаевского полусиротского института - находилось оно в Москве, в той части ее, что именуется Солянкой.

ИЗ СРЕДСТВ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА...

Шел 1900 год... "Цыплята, ко мне!" - так звала, широко распахнув объятия, воспитанниц Олиней группы их наставница - Ольга Николавночка (так с любовью ее

называли учащиеся). Оля оторвалась от семьи раньше всех, она вспоминает в письме:

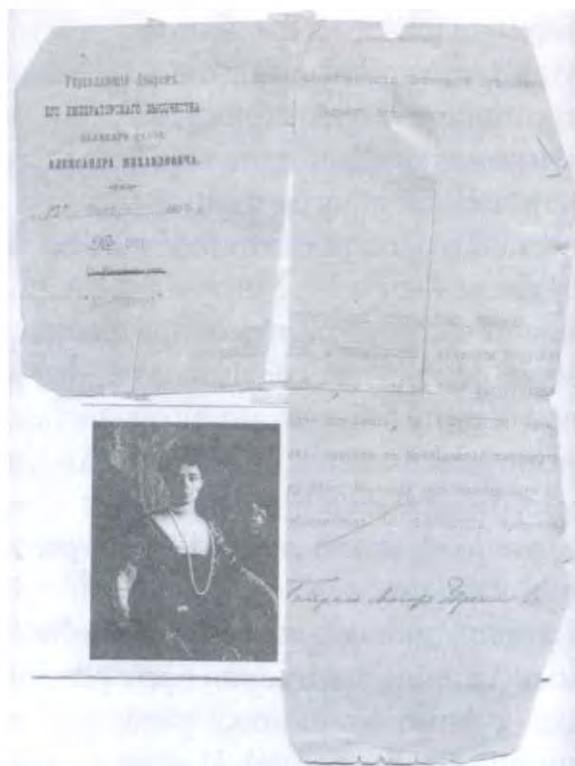
«... Я отошла от папы совсем рано, еще за три года до поступления в институт... (Институтом именовалось в то время среднее учебное заведение (а вовсе не высшее учебное заведение, как можно подумать, читая эти строки. - И.А.), правда было нам в малолетнем отделении исключительно хорошо, под теплым крыльышком Ольги Николавночки. Она тоже ничего в жизни больше не имела, кроме нас, "пузырей". Я бывала в гостях у нее, когда стала взрослой, потеряла ее из виду после войны 1914 года...»

Все малышки - девочки из осиротевших наполовину дворянских семей - не имели либо папы, либо мамы. В отделении было 14 групп, по 12 воспитанниц в каждой. Вечером, укладываясь спать, каждая девочка мечтала о том, чтобы Ольга Николавночка пришла посидеть на кровати именно к ней и погладила перед сном по головке...

"Ольга Николавночка, ко мне! Ко мне!" - слышалось со всех сторон дормитория, (фр. (dortoir - общая спальня для учениц закрытого учебного заведения - дореволюционное выражение). И если в каждой группе была такая же святая женщина, какой была наша Ольга Николавночка, то дети были в надежных руках.

Летом на каникулы воспитанниц забирали домой родные. В 1902 году бабушка Оли Ворониной - Надежда Григорьевна Литвиненко, вдова потомственного почетного гражданина г. Ромны, написала прошение управляемому двором его императорского высочества великого князя Александра Михайловича с просьбой

оказать помошь в обучении трех малолетних детей - видимо, материальное положение в семье было затруднительным... Ответ из высочайшей канцелярии не заставил себя долго ждать:

«...Ея императорское высочество Великая Княгиня Ксения Александровна изволила поручить мне уведомить Васъ, что входя въ Ваше затруднительное положение, ея высочество соизволит платить въ Ксенінскій институтъ за Ольгу Воронину, воспитанницу 7-го класса изъ ея собственныхъ средствъ

Генерал-майор Евреинов 13 ноября 1902 года».

В институте самым младшим классом был седьмой класс, а самым старшим - первый, знания же воспитанниц оценивались по двенадцатибалльной системе, самая высокая оценка - 12 баллов.

КОГО УНЮХАЛА СОБАЧКА ТРИЛЬБИ

После окончания малолетнего отделения Оля учится в Петербурге в Ксенинском институте, основанном Александром III и открытом его сыном Николаем II. Почему же институт назывался Ксенинским? По имени Ксении Александровны, сестры царя Николая II. Она была почетной председательницей института и часто навещала его...

Оля вспоминает в письме: "Ксения Александровна хотела сделать институт чем-то особенным. Он был самый молодой в Петербурге. Много в нем было новшеств! Кто только из видных людей не посещал наш институт?! Я прекрасно помню милого доброго человека - Павлова Ивана Петровича, великого ученого, физиолога. Он очень любил наш институт и редкий месяц не навещал нас. Побывав в нашем образцово поставленном лазарете, он обязательно собирал нас на беседу.

В институте можно было получить и высшее образование, но, к сожалению, было только два факультета, называемых коммерческим и техническим. Конечно, Оля, с гуманитарным складом ума, не хотела бы избрать ни один из перечисленных факультетов.

Ее любовь - французский и немецкий языки, она даже устраивала иногда «побеги» с уроков вместе со

своей подругой (Оля брала немецкую или французскую книгу, а та вторая - математическую и ... они садились в силюле (так называлась музыкальная комната-класс, двери в ней были открыты настежь) прямо на пол, вытянув ноги, и с упоением читали... Тут-то их и застукала классная дама, шедшая по коридору. Она бы никогда недодумалась заглянуть за дверь, но на беду девочек, шла она не одна, а с любимой собачкой Трильби, которая и унохала двух «институток». Комичность ситуации заключалась в том, что, как только девчонок начинала "пушить" классная дама, громко и заливисто начинала лаять и Трильби. Стоило даме замолчать, чтобы набрать воздуху, - умолкла и Трильби....

Зато как любил Олю Воронину законоучитель-батюшка! Сама Оля пишет в письме:

"Церковно-славянский язык мне нравится, он - образный, а знание мое проходимого материала приводило в восторг нашего батюшку. Подойдет он, бывало, ко мне, даже когда я была воспитанницей старшего класса - первого, погладит по голове и скажет: "Воронина - девица славная". Все воспитанницы довольны. То-то можно вволю с батюшкой поболтать - на уроках закона Божьего не присутствовали обычно классные дамы".

Дисциплина была в институте очень жесткой. С самого младшего - седьмого класса и до самого старшего - первого класса воспитанницы говорили один день по немецки, а один по-французски. Дежурили соответственно один день - немка, другой - француженка. Не дай бог!

Скажи только слово по-русски - тебе сразу поставят жирную точку в журнал!

Подруги по институту, по классу называли Олю "Вороша-философка" ("вороша" - производное от фамилии Воронина, а "философка" - за рассудительность и основательность).

Вот Оля и рассуждает далее: "...Задумала наша шеф, Ксения Александровна, много хорошего, но были и промахи с высшим образованием именно. Коммерческий факультет оказался почти никому не посильным - окончили его 2-3 воспитанницы.

Зато оклады по тому времени были умопомрачительными: 200-250 рублей. Службу получали счастливицы в банках. Ценилось знание трех языков, т.к. связь была с заграницей.

Между младшими и старшими воспитанницами института были отношения "обожания". Каждая младшая воспитанница выбирала себе "объект обожания" из старших, дарила ей всякие мелочи, мечтала быть на нее похожей. Старшие воспитанницы опекали младших и милостиво позволяли себя "обожать".

"...А ХЛЕБ-ТО ГРЕБУТ"

В старинном альбоме (1899 года) хранится у нас фотография: на фоне деревянного, с затейливыми карнизами здания расположилась большая группа людей. Вверху - старинные буквы "Мариинское отделение". Это Финляндия, санаторий для детей с ослабленным здоровьем, а Оля Воронина стоит у самого окна - она (несмотря на то, что на весь Ксенинский институт давали только 2 места в санаторий "Халила") неизменно попадала туда, т.к. была, как и ее мама, маленькой и худенькой, на всем лице выделялись лишь дивные большие глаза... Домик этот (сохранилась его фотография) строился для наследника престола, тот болел туберкулезом и лечился на Кавказе, в Грузии.

Читаем пояснение Оли:

"В то время появилось мнение, что туберкулез надо лечить не жарой, а холодом (например, в Забайкалье понятия не имели о чахотке). Вот и стали строить помещение в Финляндии (Халила). Но болезнь была запущена и наследник умер.

Царствующая императрица Мария Федоровна распорядилась достроить домик и подарила его для отдыха детям с ослабленным здоровьем, дворянским воспитанницам института"...

"Больше всех мест имел Николаевский сиротский институт, т.к. там было 700 воспитанниц. Позже, с трудом, нам (Ксенинскому институту) дали еще одно место, но наш институт был самый молодой, последний открылся. А на все 10 петербургских институтов было 24 места - капля в море!"

Мы чувствовали себя в Халиле исключительно хорошо... Мы не только здоровели физически и быстро поправлялись, но и отдыхали душой от наших институтов, которые мы не любили и где нас частенько мучили. Здесь с нами обращались гуманно, не брали и не наказывали. Это было ведомство императрицы Марии Федоровны (потому называлось: Мариинское отделение), (из письма О.И. Ворониной-Заборовской)

"... лечили нас прекрасно - без лекарств. Воздух там исключительный. Вне дома мы находились с 11 часов утра до 7 часов вечера. Санаторий заперт на ключ и никакой в доме обстановки - в большой комнате - 3 кровати, три стула, один стол. Нет даже штор, т.к. там может быть пыль. А на ночь платья выносили в коридор на специальную вешалку. Кормили не порционно, а кто сколько чего захочет. В воскресенье бывало мороженое в больших кружках. Брали порции по четыре. Можно было взять в комнату..."

"... Воспитанниц на весь день отправляли на воздух: зимой - лыжи, летом - лес. Все помещения были закрыты на замок, до наступления обеда или ужина. Аппетит нагуливали прекрасный". (Ангину лечили интересным методом: давали мороженое или даже лед).

Какая-то прислуга ворчала на Олю: "Барышня Воронина полные карманы хлеба набрали. Рыбий жир-то не пьют, а хлеб-то гребут".

Во время Великой Отечественной войны здесь гремели бои. О доме теперь напоминает лишь фундамент (каменный) да сосны - их пощадил огонь. На снимке деревья выглядят молодыми, а сейчас крона

их раскидиста, стволы кряжистые - одному не обхватить!

Санаторий "Халила" именуется теперь "Сосновый бор". Чтобы придумать такое название, не надо обладать большой фантазией - кругом вековые сосны, тишина, и лишь вершины стройных деревьев поскрипывают под ветром с Финского залива. Дочь главврача Габриловича Александра Ивановна прислала в санаторий альбом, где по снимкам прослеживается история "Халилы" - первого санатория, где поправляли здоровье страдающие малокровием воспитанницы институтов. В истории Халилы написано: "... после свержения царя пациенток Мариинского отделения словно ветром сдуло" - но это, как мы знаем, произошло в 1917 году, а тогда был 1904 г.

После таких оздоровительных сезонов Ольга с другими воспитанницами возвращалась обратно в Петербург, в институты, где жизнь шла по устоявшимся канонам.

Воспитанницы института на парадной лестнице.

"И ДА ДОЛГОЛЕТЕН БУДЕШИ НА ЗЕМЛЕ"

И вот последний класс института. Пора подумать о взрослой жизни. Для Оли - иностранные языки - и только они - вот цель! Вот любимое дело! Сомнений нет: Ксенинский институт надо оставлять - ведь тут можно получить только техническое образование.

"Не учла Ксения Александровна кое-чего, но все же была она женщина прекрасная, сделала нам много добра! Спасибо ей!" (отрывок из письма). Для перевода в другой институт, по тем временам, выставить подобную причину - нежелание иметь техническое образование - было нельзя. Пришлось напомнить о своем слабом здоровье, мол, в Петербурге очень сырой климат, и Оле приходится часто жить в Финляндии, в Халиле. Эта причина была признана удовлетворительной, и Оле Ворониной было позволено написать просьбу в четыре института. Три из них ответили отказом - мест нет. И лишь Харьковский институт принял ее. Там-то Оля учились в старшем -1-м классе.

Выпускной класс. Воспитанница первого класса, она появилась в Харькове - блестящая столичная красавица, с особым петербургским шиком и лоском - и сразу была признана всеми воспитанницами «обожаемой».

Сколько фотографий было подарено Оле воспитанницами выпускного первого класса!

Хочется добавить любимым моей бабушкой церковно-славянским языком (который она тоже знала хорошо): "... да благо ти будет и да долголетен будеши на земле". Ольга Ивановна прожила долгую интересную жизнь - 95 лет. По окончании института для совершенствования своих знаний в иностранных языках она, поддерживаемая своим отцом, отправилась в Лозанну. Здесь училась на высших курсах французского языка, т.е., окончив их, имела право преподавать язык на любом уровне, что ей пригодилось в жизни: были на ее преподавательском поприще и институт, и техникум, и конечно же, школа. Вел обучение профессор - мсье Андрэ Серван. Оле удалось побывать не только в Лозанне, но и в Женеве, а также в Беве, Монтре...

Из Швейцарии в 1912 г. Оля вернулась домой к папе, а затем, погостив дома, отправилась в г. Белополье,

где с 1912 по 1920 гг. стала работать преподавателем в мужской гимназии.

(смотри приложение № 1 ст.124 «Взрослая жизнь»)

Из воспоминаний Ольги Ивановны:

"... Было нас более сорока преподавателей (в 2-х гимназиях: мужской и женской) со средним специальным и высшим образованием. Город Белополье - совсем неплох: весь утопал в зелени, стоял на железной дороге и был окружен губернскими городами: Киев, Харьков, Полтава". Именно в Белополье Ольге Ивановне пришлось пережить много событий, судьбоносных для нее и для всей страны:

1914 г. - I мировая война;

1917 г. - революция;

1918 г. - смерть отца; гражданская война.

Из письма О.И.: "... бывало повалятся незадачи и все же думаю: "Отлив... а будет и прилив". Особенно мне было трудно, когда я почувствовала себя одинокой, "allein in der Welt", когда ушел из жизни мой пapa, а братья эмигрировали. Не хотелось мне тогда жить. А все же выжила. Неожиданно появился Иван Федорович, мое солнышко, которое осветило и согрело меня", - так пишет Ольга Ивановна о встрече со своим будущим мужем.

В 1920 г. они венчались в церкви с Заборовским Иваном Федоровичем.

Соборная Рождество Богородичная церковь в г. Белополье

Справка.
Белополье 5/8 1908
г.
1908 года в Белополье 29/июль
Приходская Соборная Рождество Богороди-
ческой ц. в Белополье Николаевской
Недели Престольного Дня въ овномъ
градоцентре Ивана Федорова Георгия
Святой от предста вала священник помощник
Патриархальный Казанский, уезд
именемъ Верховинной Аббат-Геност
Бискупомъ подведенъ.
Аббат-Геност Казанскаго
К. Чесаринъ.
Печатникъ А. Зубовъ.

Справка о венчании моих дедушки и бабушки

В 1921 г. в семье родилась дочь Елена, а в 1924 г. - сын Сережа. В эти счастливые годы у Ольги Ивановны было много прекрасных учеников-гимназистов, о каждом из которых можно написать отдельный рассказ. Среди них знаменитые на всю страну люди и совершенно безвестные, но тоже имеющие очень интересную судьбу.

(смотри приложение «Непростая судьба»)

В 1925 году семья переезжает из Белополья в г.Сумы. Здесь и оставим их, таких счастливых, молодых, полных сил и энергии. Впереди им предстоит путь, полный неожиданностей, непредвиденных случайностей, превратностей, а может статься, и разочарований. Но не будем заглядывать вперед - там впереди тридцатые годы; разметавшие весь цвет интеллигенции по свету.

За одно дворянское происхождение многие семьи получали ярлык неблагонадежности. В Северном Казахстане оказалось немало людей, «унесенных ветром», спасавшихся от голода и страшных жерновов НКВД, в которые зачастую попадали по социальному признаку. Надо было как-то жить дальше. Здесь проходит черта... линия отреза... рубеж... за который семье Зaborовских пришлось шагнуть в 1932 году. Но об этом - отдельный рассказ. Продолжение следует!

"ЧТОБЫ ВСЕ ЭТО НЕ ПОТЕРЯЛОСЬ..."

Сколько всякого вмещает в себя человеческая жизнь!

И тем не менее Ольга Ивановна не пропала, не бежала за границу, а сделала свой собственный правильный выбор. Красноречивое тому свидетельство - письмо от родственника О.И., умирающего на чужбине в одиночестве. Такую исповедь получила она однажды. Человек этот пишет: "Вспоминая свою жизнь и жизнь близких нам с Вами людей, я вижу, что только Вам одной из всех нас удалось найти наиболее правильный путь и жизнь свою провести в окружении дорогих Вам и близких людей, продолжающих нуждаться в Вашей помощи и заботе. Пусть же сознание этого послужит вам утешением в тех горестях и печалях, которые все-таки принесла Вам судьба. От души желаю Вам здоровья и долгой жизни".

Наша память очень несовершенна - это всегда четко сознавали у нас в семье, сохраняя все письма. А если все это сохранилось, то, значит, для чего-нибудь нужно? Вот и стало возможным предоставить для музея школы №1 г. Петропавловска обширный материал об Ольге Ивановне и ее сыне Сергеем, окончившем школу № 1 в 1942 году с отличием и ушедшем на фронт со школьной скамьи. Мне кажется глубоко символичным то, что я продолжаю работать, связывая звенья одной цепочки, в стенах той же средней школы, где трудилась моя бабушка, где учился мой дядя.

Заборовский Сергей Иванович (мой дядя)
После ранения на Курской дуге.

Дочерей своих я назвала именами, теплей которых нет для меня на всем белом свете: мою старшую дочь зовут Ольга Ивановна, а младшую - Елена Ивановна, в честь моей мамы.

Мне, как педагогу, крайне интересно подойти вплотную к истокам образования Ольги Ивановны (старшей), чтобы понять, как формировались такой объем знаний, такая выдержка, такой характер! Я всматриваюсь в тонкие черты лица моей прапрабабушки - Надежды Григорьевны Литвиненко. Думаю, именно она предопределила профессиональный интерес к языкам маленькой Оли. Впоследствии Ольга Ивановна

была беззаботно предана своему любимому делу. Я даже не могу вспомнить мою бабушку без словаря. Услышав неизвестное слово, она немедленно искала, откуда оно пришло в русский язык, с какого языка заимствовано... Потому и знала превосходно столько языков: немецкий, украинский, французский, польский. Но всегда говорила, что родным для человека является тот язык, на котором он думает, мыслит.

Для нее это был все-таки русский язык, который знала глубоко и тонко, как настоящий языковед. Тем не менее она не уставала шлифовать свои знания, которыми поражала учеников и студентов. Ольга Ивановна никогда не жалела ни сил, ни времени для занятий со мной, своей внучкой. Иностранные языки я постигала в игре и так рано, как только начала говорить. Все это делалось в такой увлекательной форме, что не оторвешься - в этом педагогический талант моей бабушки.

У нас в семье все прислушивались к мнению Ольги Ивановны. Она говорила: «Знания и умения за плечами не носить». Именно поэтому я каждый день спешила либо на урок музыки, либо в танцкласс, а диктовки, которые я писала ежедневно (сначала даже печатными буквами), сохранились у меня до сих пор. Вы думаете, это было нудно? Нисколько! Так интересно все это было обставлено.

Еще одна «философия бабушки»: каждое полученное письмо достойно ответа. Она неукоснительно следила за тем, чтобы ее обширная корреспонденция не оставалась без внимания (а писали ей со всего света очень многие бывшие ученики-гимназисты: и бело-

польские, и сумчанс, и т.д.). Постигала «письменную премудрость» и я. Сама Ольга Ивановна пишет обо мне в одном из писем: «Действительно, на письма она мастерица. Я лично рада, что в этом «спорте» заложен в порядочной степени мой скромный педагогический труд. С самого ее раннего детства, занимаясь разговорами, играя с ней, я прививала ей правильную речь и понемногу орфографическую грамотность. Все выше-сказанное считается в настоящее время чуть ли не ничтожной мелочью, может быть даже ненужной. Ириша не тяготилась препровождением времени со мной, а я с ней тоже не скучала. Я не хочу хвастаться своим небольшим делом, но это дело я люблю и считаю его необходимым». Когда бабушка поступила на службу в школу №1 (в 1936 году), до моего появления на свет оставалось еще (без малого) двадцать лет...

Судя по рассказам Ольги Ивановны, Петропавловск тогда был глубокой провинцией, но какой высокий культурный уровень, какая творческая атмосфера царили в школе! Здесь преподавала замечательная когорта выдающихся учителей: Овчинников Павел Александрович, Воронкина Римма Петровна, Кибальчик Павел Алексеевич, Монеро Антонина Клементьевна, Заплавный Александр Гавrilovich, Исаичева Мария Ивановна, Глебова Зинаида Матвеевна, Наседкина Капитолина Ивановна - о каждом из них я знаю от бабушки, т.к. очень много ее рассказов для меня касалось коллег по школе. Думается мне, высокая цель нынешних педагогов - соответствовать профессионализму этих учителей-легенд, а кроме того, сочетать глубокие знания с

прекрасными душевными качествами этих славных людей.

Снова и снова звучат в моей памяти строки известной песни:

**Все нам дорого, каждая малость,
Каждый миг в отдалении любом.**

**Что бы все это не потерялось:
Загляните в семейный альбом**

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 40 ЛЕТ

Во всех петропавловских воспоминаниях самых ранних лет моей жизни присутствует мой дорогой дедушка — Иван Федорович Зaborовский. Я следовала за ним повсюду, как нитка за иголкой. Вот как он сам пишет об этом в письме: «... Больше всех приходится быть с внучкой мне. Я увожу ее пешком или в коляской за пределы двора, в скверик или просто так по улицам гуляем. Девчонка так привязалась ко мне, что просто беда! Беру ее с собой и по воду, и на базар, и по магазинам. Теперь вижу, что стал на неправильный путь, ничего хорошего не обещающий. Стараюсь хоть немного отдалиться от нее, но мне это плохо удается».

Неподалеку от нашего дома, возле кинотеатра «Октябрь», продавали мороженое. Замечательное мороженое, сейчас такого не делают. Его черпали ложкой из жестянного бачка, обложенного кусками льда, набивали в вафельный стаканчик, который продавщица ловко выхватывала из лежащей тут же пирамиды стаканчиков, вставленных один в другой, быстро бросала готов-

вую порцию на весы, а потом подавала прямо в руки покупателя огромную горку лакомства, возвышающуюся над стаканчиком. Бабушка Ольга Ивановна не позволяла мне на улице лизать молочные, льдисто-сахарные бока порции - действительно, до дома на ул. Карима Сутюшева было недалеко, можно было и потерпеть. Но вот когда мы ходили за мороженым с дедушкой... правила этикета можно было не соблюдать: мороженое молочной струйкой бежало по голой руке и падало на сандалии - неизменную, совершенно невесомую, удобную обувь детства, любовно и тщательно подбиравшую мне по ноге дедушкой.

В семье все называли Ивана Федоровича мастером на все руки: то он что-то ремонтирует, то выпиливает лобзиком замечательную верандочку для моих кукол, с узорчатыми панелями, ступеньками - все точно, аккуратно, гладко. А как мы с дедушкой рисовали, как вкусно пахли краски в тюбиках! Открою утром глаза (мои родители уже на работе) - меня прямо через окно во двор принимают теплые руки дедушки. Я, обняв его ручонками за шею, вдыхаю утреннюю свежесть, запах примятой травы, аромат цветочной клумбы, разбитой дедом прямо под нашим окном.

На дворе — трава, а на траве - дрова: напиленные чурбачки, поленья, сложенные «колодцами», сохнущие на солнце, пахнущие березой, - это предмет дедушкиных усилий в заготовке топлива на зиму. С опилками можно было играть, как с песком, на сваленных березовых деревьях сидели ребятишки нашего квартала во время дворовых концертов, которые мы сами себе устраивали.

Стоит мне подумать о дровах, как, по неизбежной ассоциации, вижу моего дедушку, вносящего в дом с мороза охапку поленьев, слышу, как ударяются они со стуком о пол возле печки. И вот уже дровишки весело потрескивают, а когда разгораются, то вся плита гудит и поет. Иван Федорович сидит со мной рядом, греет красные от холода руки и, глядя на огонь, напевает приятным баритоном: «Дивлюсь я на небо»... Он всегда пел украинские песни, ведь детство его прошло на Украине, и в семье Заборовских говорили либо по-польски, либо по-украински. Такой «конгломерат языков», шутливо называемый моей бабушкой «смесью французского с нижегородским», давал его речи украинскую напевность и изящество польских оборотов.

Я помню дедушкин огород, лучший из всех. Геометрически точно расчерченные грядки, чистоту. На таком маленьком кусочке земли — обилие культур. Мой дедушка - настоящий агроном, знаток своего дела.

Все, чего касались его умелые руки, выходило необычайно ловко, красиво.

Отца я лишилась очень рано, поэтому, если кто-то, по незнанию, спрашивал меня - малышку : «Ирочка, а где твой папа?», то я доходчиво поясняла: «А мой папа называется деда».

Мне недолго пришлось нежиться в дедушкиной любви. Объяснить словами вот это невозможно, но я помню свою детскую подспудную тревогу, когда боялась его потерять... Связные воспоминания начинаются у меня с того времени, когда дедушка мой тяжело и неизлечимо заболел. Тогда к нам приехал ненадолго родной брат деда - Александр Федорович Зaborовский. Они увиделись перед самой смертью Ивана Федоровича в первой советской больнице Петропавловска после 40-летней разлуки!

Бабушка пишет в письме об этой встрече так: «... Саша прожил у нас 7 дней. Приехал он вечером, а наутро вместе со мной и Иришой был у Вани в больнице. Братья виделись молодыми людьми, а теперь это были пожилые седые мужчины. Саша нарочно представился Ивану жителем города Умани. Мол, приехал сюда жить, хочет устроиться на работу, да и зашел посоветоваться с земляком. Говорили они некоторое время, как посторонние люди, земляки, и вдруг Ваня воскликнул: «Ах ты, уманец!» - и они крепко, по-мужски обнялись. Был приемный день и час, поэтому все больные и посетители, ставшие свидетелями встречи братьев через 40 лет, были растроганы...»

Мне было тогда 6 лет. Я отлично все это помню, вплоть до того, что при воспоминании ощущаю боль-

ничный лекарственный запах, который всегда теперь навевает мне целую вереницу давних впечатлений.

ГЕРАЛЬДИКА ПЛЮС... СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Вернемся с читателями «Провинции» туда, где мы оставили молодую, счастливую, полную сил и энергии чету Заборовских - Ивана Федоровича и Ольгу Ивановну - в далекий 1920 год, в украинский город Белополье. Пора представить вам официально моего славного деда — Ивана Федоровича Заборовского, избранника Ольги Ивановны, ее верного рыцаря.

Дедушка никогда не рассказывал о себе и своем прошлом, да и над женой ласково подтрунивал: «Тебе надо мемуары писать!». Он и не думал, что за нее это

сделаю я. Не будь моей бабушки, мне бы никогда не узнать многих интересных страниц дедушкиного прошлого! Да, именно она была источником сведений не только о линии Ворониных, но и о линии Зaborовских.

Главное из них: род Зaborовских относится к гербовым дворянам. Что именно было изображено на гербе? От бабушки Ольги Ивановны мне известно - это было стремя. Генеалогические данные размещены в официальных справочниках: предок рода Зaborовских выехал из Польши в Россию в 16 веке и внесен в 6-ю часть родословной книги Тверской губернии — гербовник.

Можно получить сведения о пращурах еще более ранних, когда дворянский род Зaborовских жил в Польше, герб оставался тем же, лишь название его звучало по-польски: стржеме — первая часть родословных книг Виленской и Ковенской губерний. Да, геральдика - захватывающая наука!

Ольга Ивановна сообщила мне, что гербовое дворянство необходимо было подтверждать в каждом третьем поколении рода. Не берусь сказать, что руководило действиями Федора Константиновича (так звали отца моего дедушки), но он этого не сделал, хотя был представителем этого самого третьего поколения. Вполне возможно, что умышленно этого не сделал — нам «издали» не доглядеться, но бабушка считала - «проворонил», прозевал... Возможно, Ольга Ивановна относилась к своему свекру предвзято, так как он был ей несимпатичен. Она и рассказывала о нем всегда не иначе как о шествующем с тросточкой далеко впереди

жены, Аполлинарии Иосифовны, а та следовала позади мужа, да еще и с ношкой.

Образ свекрови нарисован Ольгой Ивановной с большой теплотой и любовью: добрая, нежная, тихая, непрекословящая, мать большого семейства (в семье было семеро детей: четыре дочери и три сына).

Глава семьи - Федор Константинович Зaborовский был иконописцем - этот факт биографии при советской власти (до которой Ф.К. не дожил) детьми тщательно «замаскировывался» — в анкете в графе «отец» писали - «мастеровой» или даже «маляр» - с церковью в те времена лучше было не зваться! Сословие указывалось - мещанин, а уж то, что у Федора Константиновича на самом деле была иконописная мастерская, что считалось небольшим предприятием, надо было точно скрывать. Это сейчас даже трудно объяснить, но после революции, а особенно в период чисток, если обнаруживалось, что человек вышел не из рабоче-крестьянской среды, его рассматривали как второразрядного гражданина. Можете представить себе, до чего кстати было неподтвержденное гербовое дворянство Зaborовских?! Это сейчас стало модным - искать свои дворянские корни, а раньше наоборот: высокое происхождение могло сослужить дурную службу - ведь сословие надо было обязательно указывать в документах.

Об учебе своих дочерей Федор Константинович заботился мало: по его мнению, женщине учеба ни к чему, женщина для дома! Курсы кройки и шитья — вот удел четырех дочерей в семье... А вот три сына вызывали у отца беспокойство: в Ильинцах Липовецкого уезда Киевской губернии, где находилась усадьба За-

бровских, кроме церковно-приходской школы и 2-классного министерского училища, ничего не было. Пришлось продать усадьбу, переехать в город Умань Киевской губернии. Всем сыновьям, волей отца, было уготовано земледельческое Уманское училище.

Так мой дедушка и два его брата стали агрономами.

Вот что вспоминает о моем деде его брат Александр (выдержка из письма): «Я всегда присматривался к моему старшему брату и старался подражать ему. Ваня был хорошим музыкантом. Дома, у отца в Умани, мы часто музиковали: Ваня - на виолончели, я - на гитаре, а младший брат Коля - на скрипке. Когда мы ходили в парк (в знаменитую Софиевку), Ваня на вечерах прекрасно танцевал мазурку и вальс. Это дело далекого прошлого...»

Я никогда не думала, что дедушка играл на таком редком для любителя инструменте, как виолончель! И удивительно, что об этом никогда не рассказывала бабушка. Возможно, это дело такого далекого прошлого, что и она этого не знала, а сам дедушка мемуарами не увлекался. Вот те «крупицы» воспоминаний самого Ивана Федоровича, которых у меня очень мало: «...Уманское земледельческое училище я окончил в 1914 году и уехал на практику. Конец этой практики оказался внезапным — началась первая мировая война. Практику пришлось прервать раньше положенного времени, т.к. осенью этого печального года я призвался в старую армию.

Воевал с турками в восточной Анатолии (Турция). В конце 1916г. заболел тифом и был направлен на излечение в г. Навриул, а по выздоровлении - в свою же

часть, где воевал до окончания войны. В феврале 1918 года как специалист сельского хозяйства я был демобилизован и зачислен в запас армии в звании унтер-офицера».

Вернувшись домой, Иван обнаружил, что оставленный в родительском доме большой сундук с книгами (очень хорошими книгами - дедушка мой знал в книгах толк), а также марки, которые он коллекционировал с детства, исчезли бесследно. Хоть и был дед сдержан, но это была такая утрата, о которой он не мог молчать и с горечью рассказывал об этом. Могу себе представить, какими раритетами было бы все это сейчас!

(смотри приложение № 4 ст. 143-144 «И на полках с «ятыми» книжн...»)

«... В марте 1918 года я уехал в местечко Шаулиха участковым инспектором- агрономом и по совместительству учителяствовал там в семинарии им. Шевченко. По предоставившемуся мне праву выбора я остался затем только на преподавательской работе. В 1919 году директор нашей семинарии перевелся директором мужской гимназии в г. Белополье Харьковской губернии Сумского уезда и сагитировал меня переехать на работу туда же.»

Так вот при каких обстоятельствах произошло знакомство моих дедушки и бабушки! Именно в Белопольской мужской гимназии и сошлись два жизненных пути. Но именно тут и пролегла пропасть - отрыв от прежних семей, родных по крови, и у бабушки, и у дедушки...

ОСКОЛКИ ИМПЕРИИ

Пронеслись 1914-й, 1917-й, 1918-й огненные годы...

Венчание молодых состоялось в Соборной Рождество-Богородичной церкви г.Белополья Харьковской губернии. Мир вокруг трещал по швам и рушился, а в семье Заборовских поселилось счастье. От прошлой жизни остались одни осколки, но это неважно: жизнь подарила значительно больше, нежели отняла... А за порогом дома было душно, бурлила и «варилась» новая жизнь, воздуха не хватало от новостей, приносимых газетами, от распеваемых частушек: «Винтовочка, бей, бей буржуев, не жалей!» и т.д. Эмигрировал младший брат Ольги Ивановны - Николай. Он сразу выразил свое скептическое отношение к революции и уехал за границу. Ольге Ивановне очень хотелось сохранить на память фото брата, но на снимках он всюду сфотографирован в форме кадетского корпуса, позже — в форме военного артиллерийского Николаевского училища. Это заставило мою бабушку взяться за ножницы. Сколько фотографий пострадало тогда! В неровно вырезанных кружках и ромбах лишь лица близких.

Но к одной фотографии Ольга Ивановна относилась как к чему-то одушевленному, и хотя фото могло принести ей беду, хранение его было небезопасным, она все же предпочла прятать снимок где-то под спудом, но отказаться добровольно от дорогого изображения не могла. Случалось, что бабушка сама забывала, куда она спрятала фотографию. Вот с какой радостью рассказывает в письме Ольга Ивановна сыну о чудесной находке: «Я не могу выразить свою радость! Нашлась фотो-

графия моих самых родных мужчин - отца и братьев. Сколько я мучилась и даже плакала, считая ее безнадежно потерянной, только во сне она мне чудилась: видела четко, что она найдена, но даже во сне увидеть ее мне не удавалось».

Братья и отец моей бабушки Ольги Ивановны Заборовской
(Воронина)

Мне очень жаль, что в детстве я многое слушала «вполуха»: многие рассказы бабушки были мне до того знакомы, что я переключала свое внимание на что-нибудь другое, не мешая ей рассказывать, не задавая ей лишних вопросов... Как жаль! И тем не менее я помню, что младший брат бабушки — Николай учился в Орлова-Бахтина кадетском корпусе (на погонах у кадетов

было написано ОБКК- Орлова-Бахтина кадетский корпус — шутя, кадеты расшифровывали эту аббревиатуру так: «Орловская Баба Картошку Копала»).

Старший брат Ольги Ивановны - Петр, по характеру совсем не был похож на своего брата Николая. По натуре он был борцом и не мог без всякого сопротивления просто уехать, поэтому прошел все этапы борьбы белой гвардии в России, взбаламученной революцией и гражданской войной.

Неожиданно Петр появился однажды в доме молодых супругов — Ивана и Ольги Зaborовских поздним вечером. На вопросы сестры: «Откуда? Куда?» ответа не дал. Само появление его было более чем загадочно и даже «костюмировано». Одет он был «а ля мужик», что называется, «в ремках». Конечно, будучи блестящим офицером, носить всего этого он не умел, но, видимо, не встретил на своем пути человека, раскусившего его «маскарад» и выправку военного человека. Надо ли говорить, каким опасным был этот визит для самого Петра, так и для молодых Зaborовских. Надо полагать, он хотел забрать из «большевистского ада» сестру, а застал неожиданную картину ее семейного счастья, чем был обескуражен.

В семье Зaborовских на свет скоро должна была появиться дочь Елена.

С этим веским доводом не мог не согласиться даже Петр: да, молодой семье лучше оставаться на месте! Возможно, в сознании самой Ольги Ивановны еще не было тогда четкого плана действий, но на предложение Петра бежать из Совдепии муж и жена Зaborовские ответили твердым отказом.

Никто не знал, что виделись брат и сестра в тот вечер в последний раз. Петр сгинул в этом «беге». Среди всей этой «свистопляски» и «хождений по мукам» где-то навсегда затерялась судьба Петра Воронина...

Ольга Ивановна вскоре была вызвана в ЧК, она подумала тогда, что это конец, но не явиться по повестке нельзя. Вошедшую в кабинет молодую красивую женщину следователь Петрик спросил сурово: «Твой инициал?». Такое начало ничего хорошего не предвещало! По форме вопрос был закручен лихо, а реплика эта вполне может быть помещена в хрестоматию советских комедийных штампов (вроде: «Гражданин, ваши документы!»). Моя ирония здесь уместна только потому, что с Ольгой Ивановной ничего не случилось, оказывается, ее вызвали, чтобы поставить на учет, как человека, знающего иностранные языки, дабы при случае привлечь как переводчицу. А ведь могло быть гораздо хуже!

Неимоверно трудно встать над белыми и над красными, увидеть этот мир с внешней, вынесенной за пределы своего времени, точки зрения. Поэтому я преклоняюсь перед мудростью моих дедушки и бабушки: они не взирали недоуменно на происходящее вокруг них, не были растеряны, а имели на все свое мнение.

«ЦУКЕР КЛЯСТЕР?»

Жизнь идет своим чередом, чтоб она повторилась сначала, в семье должна быть молодая поросль... Не обделил Бог этой благодатью супружескую пару: Ивана и Ольгу. В их семье 29 апреля 1921 года появилась

на свет дочка Леля (это моя мама - Елена Ивановна Заборовская).

Прошло три года. 1 мая 1924 года Иван Федорович выступал перед сослуживцами с докладом по случаю праздника. Вдруг его стащили с трибуны и стали качать. Докладчик ничего не понял сначала и, только взлетая в воздух, сообразил: у него родился сын! Мальчика родители назвали Сережей.

Лёля и Сережа Заборовские

Леля в детстве была-хорошенькая, как птичка, она и по подвижности напоминала птаху, успевая всюду, все ей было интересно, но она никогда не забывала брата Сергея, этого сероглазого крепыша. Леля же, наоборот, была тоненькая, как лозинка, изящная. Однажды во время прогулки детей испугал какой-то пьяный дебошир. Убежать с места происшествия самой Леле ничего не стоило! А вот как спасти от опасности неповоротливого малыша 2-х лет, весом

чуть ли не такого же, как она сама? Вот проблема. И все же плакала, тащила Сергуню, как могла (боялась оглянуться - нет ли преследования?), и лишь захлопнув дверь дома и задвинув щеколду, успокоилась: никто их не догоняет.

Сережа отвечал сестре такой же заботой. Время было голодное, но такого очаровательного малыша люди всегда старались угостить. Сережа принимал угощение и тут же задавал святой в своей наивности вопрос: «А Леле?» - вот и угости такого!

Сохранилась толстая тетрадь выражений, особенностей речи населения Белополья, Ворожбы, Сум, которую вела мать Лели и Сережи Ольга Ивановна. Только теперь к ее коллекции добавились детские изречения своих собственных детей, а также многочисленных учеников. Лингвистические способности детей всегда поражали Ольгу Ивановну. Совсем не зная грамоты, шутя, играя, ребята во дворе говорили на русском, украинском, польском языках. С необычайной легкостью перепархивали с одного языка на другой. Бывало, говорили одинаково хорошо на всех языках, бывало - одинаково плохо, но всегда очень бойко, не подыскивая слов. Взрослые люди часто стесняются своих ошибок, а потому задерживаются в овладении иностранными языками.

Условия жизни на Украине в это время очень ухудшились, особенно тяжело было с продуктами питания. Зарплату Ивану Федоровичу частично выдавали деньгами, частично - натурпродуктами. Но и это положение изменилось в худшую сторону.

Семья Заборовских

Наступал голодный 1932 год... Сахара в доме почти не видели, а уж если он появлялся, то это было настоящее лакомство.

Однажды к детям пришел мальчик. Усадили его за стол. Сережа очень хотел угостить друга кусочком сахара, однако он не был уверен, как на это отреагирует мать, сидящая здесь же, за столом, — ведь кусочеков сахара меньше, чем присутствующих. Наливая гостю чай, Сережа задал матери оригинальный вопрос: «Цукер клястер?», что на Сережином «тарабарском» языке значило: «Сахар класть?». Мать засмеялась и «дала добро»: «Клястер, клястер...». История эта попала в тетрадь Ольги Ивановны («гроссбух») и таким образом дошла до наших дней.

Меня всегда удивляло, как много моя бабушка ус-певала писать! Она готовилась к серьезным занятиям в институте, техникуме, школе, писала массу писем, чи-тала много художественной литературы! Когда я раз-бирала старые письма, мною будто был получен ответ: «... Готовиться к урокам, писать письма (и не по одно-му) я любила в одиночестве. А когда такое бывает? Конечно, поздно вечером. Первую половину нашей супружеской жизни Иван Федорович был редким гостем в семье, работая разъездным инспектором-агрономом в РКИ (рабоче-крестьянской инспекции). Уложив детей спать, я бралась за перо».

«ОБЕЩАННОГО ТРИ ГОДА ЖДУТ...»

1932 год... Украина... Не только голод морил людей, в обществе совсем рядом появились признаки странно-го брожения. Появилась особая категория людей - ос-ведомители. Таковыми хотели сделать всех и каждого: сослуживцев, соседей... Спасти от этого было негде. Оставалось надеяться, что где- то хотя бы можно досы-та накормить детей. В Белополье в это время был страшный голод, что подтверждает детский дневничок Лели, она пишет в свои 11 лет: « Бывает, купят хлеб, а кто-то подбежит и выхватит! Вора схватят, бьют, а он под побои ест. Вот такие дела творятся!»

Осознавая, что на Украине можно просто погиб-нуть, Иван Федорович крепко призадумался, как спа-сти семью? Он послал запросы во все концы - где тре-буется опытный агроном? Из всех предложенных вари-антов Зaborовским больше других понравился Казах-стан - ведь только здесь обещано жилье. «Предложение

подтверждаем. Квартикой обеспечим. Выезжайте» - эта телеграмма из Петропавловска хранится у нас в архиве. Начались сборы в далекий Казахстан. Вот строчки из дневника Лели Заборовской:

«... Папа получил предложение в Петропавловск. Ехать туда дней 5-6. Это в Сибири. Папа уехал за расчетом. Пианино мы, наверное, оставим, а в Петропавловске купим другое (на самом деле музыкальные занятия Лели оборвались навсегда, т.к. пианино пришлось оставить родственникам в Белополье - не везти же инструмент за тридевять земель!)

Вот здесь и проходит линия раздела в жизни Заборовских: «... Прощай, Украина! Здравствуй, Казахстан!»

✓ В дневнике читаем: «Вот мы и приехали в Петропавловск. На станции пришлось дожидаться утра. Утром мы поехали в Дом крестьянина. Город грязный, тротуары деревянные. В доме крестьянина тоже очень грязно - мы не выдержали. Папа пошел в «Облтрактор». Квартиры для нас нет. Один служащий пустил нас к себе на кухню. Так прожили мы у него 8 дней».

Все эти 8 дней Иван Федорович пытался разрубить узел, затянутый намертво, - квартира быть должна, но се нет. Условия договора со специалистом предусматривали обеспечение его квартирой, но обещанного пришлось три года ждать: с 1932 по 1935 год!

Положение было «пиковым». И главное, деваться некуда: ведь за приехавшими следует где-то по необъятным просторам страны (бог весть где!) багаж с мебелью, носильными вещами, хозяйственным скарбом. Несласково встретил Петропавловск семью Заборов-

ских. Даже ребенку было понятно, что с квартирой обманули: «... Нам обещали квартиру, когда писали предложение. Мы решили ехать в деревню за неимением квартиры в городе. Пришла машина, и мы поехали в Боголюбово» - записала Леля в дневнике. Да, легко сказать: «решили... поехали...»

На самом деле в Боголюбово квартиру действительно выделили сразу. Деревенские жители моментально узнали о приезде новоселов, столпились во дворе дома, чтобы получше разглядеть приехавших. Зрители без стеснения прильнули к окнам, наблюдая, как вносятся пожитки в дом. Зрелище внесения в квартиру нескольких кроватей сопровождалось громкими репликами: «Это, наверное, общежитие». В деревне спали на лавках, полатях, на печке. А кровати, да еще и у каждого человека отдельная (мыслимое ли дело?), по мнению жителей, могли быть только в общежитии!

Забегая вперед, скажу, что за три года, прожитые в Боголюбове среди этих простодушных людей, семья Зaborовских обрела много замечательных друзей на всю жизнь, узнала щедрых душой людей, о которых бабушка рассказывала мне с любовью так много интересного!

Вновь приехавшие тоже немало удивляли боголюбовских старожилов. Вот Леля с наступлением холодов надела шапку - дети толпой бегут за ней и кричат: «Девчонка в шапке!»(девочка обязательно должна носить платок). Учительница прикрикнула на ребят, а когда те отстали от Лели, сама спросила у нее: «А действительно, Зaborовская, почему ты в шапке?» Но у себя в дневнике Леля записала: «... Я была с мамой в школе,

и меня не обижают. Нашу учительницу зовут: Евдокия Ивановна Малыхина».

Иван Федорович стал старшим агрономом Приишими МТС, относившейся к Трактороцентру Карагандинского отдела (в то время Петропавловск был административным центром Карагандинской области).

В Боголюбове младший сын Заборовских (Сережа) пошел в первый класс в школу, учился по примеру своей старшей сестры Лели на «отлично», а бывало, и шалил! Боголюбовские мальчишки затеяли такую игру: возле МТС находился конный двор. На дворе был жеребец, пробежать под брюхом у которого считалось верхом храбрости! Мальчишки, сумевшие сделать это, были настоящими героями. «Мероприятие», задуманное сорванцами, было рискованным и очень опасным. Проделывал подобные трюки и Сережа, а его мама, безусловно, даже не догадывалась о «подвигах» сына... Леля, подражая своей маме, записывала особенности речи коренных жителей области.

АДАМ И ТАЛДА

Ближайшей соседкой Заборовских по Боголюбову была Агафья Петровна (фамилии ее я, к сожалению, не помню). Эта странная, смешная, высокая женщина фигурирует во всех рассказах и воспоминаниях моих близких под именем Талда из-за особенности произношения слова «тогда». Так и прилипло к ней это прозвище.

Агафья Петровна была добрым гением нашей семьи, т.к. несколько месяцев снабжала Заборовских

всем необходимым по хозяйству, пока не прибыли следовавшая «тихим ходом» по железной дороге мебель, посуда, хозяйственная утварь... Талда была замужем за военнопленным австрийцем, которого звали Адам. Наш Адам не оставлял надежды вернуться на родину, в Австрию, и время от времени писал письма в консульство («Конзулу», как говорила Талда). Сам Адам грамоте русской не был обучен, Агафья Петровна была неграмотной, так что писать письма в консульство приходилось просить каждого грамотного человека. Не избежал этой участи и Иван Федорович Заборовский. Так уж случилось, что именно после ходатайства, написанного рукой моего дедушки, Адаму, наконец, пришел долгожданный положительный ответ. Благодарности Адама не было предела!

В нашей семье он оставил о себе добрую память тем, что именно он привез из Петропавловска пришедший, наконец, багаж (вез он его в несколько приемов на лошади, запряженной в сани). Таким образом, прибыли в Боголюбово письменный стол, антикварный буфет, книжная полка (из обстановки рода Ворониных) - вещи эти «живы» и поныне.

(Смотри приложение № 3 ст. 134 «Его Высочество Буфет»)

Когда Адам уезжал в Австрию, то хотел и Талду взять с собой, но та отказалась ехать на чужбину и он уехал один.

Агафья Петровна очень скучала по мужу, хотя работала не покладая рук: в хозяйстве Талды были лошадь, две коровы, овцы, поросыта, куры, гуси. Ольга Ивановна не переставала удивляться, что Талда считалась бедной. Ведь на Украине одна корова - это очень хорошо, а две коровы - кулаки! Вот какая разница в понятиях!

ЗДЕСЬ КЛИМАТ ИНОЙ

Так семья Заборовских стала жить да поживать на новом месте. Ольга Ивановна преподавала в Боголюбовской школе русский язык, литературу, немецкий язык. Удручающе действовала на нее погода, непривычная для людей, приехавших из теплых краев. Вот как описывает здешнюю позднюю осень Ольга Ивановна: «... погода прямо непозволительная. Моросит дождь. Ветер дует порывами, да такой, что рамы трещат. А воет, воет как! Недаром при царизме непокорных ссылали в Сибирь. Погода очень действует на психику человека...»

А вот еще философия моей бабушки на тему погоды: «...Вспоминаю Украину. Весной в апреле - рай в природе. В Северном Казахстане весна стоит холодная, потом грязь... Остается уж меньше месяца до мая, а народ только два дня как стал снимать с себя шубы. Весны вовсе не увидим, а сразу перескочим в пыльное лето с ветрами. А ветер нас никогда не оставляет. Вот осень здесь долгая, теплая, красивая — и то хорошо!».

Зимой часто случались бураны — есть где разгуляться ветрам на степных просторах! Надвигающийся буран население умело безошибочно распознавать по приметам. Предупреждали одну девочку: «Не ходи в Надежку! Будет буран!». Не послушалась, пошла... близко, мол, успею! Нашли ее на другой день замерзшей, занесенной снегом - фамилия этой девочки Гулик. А однажды за окопицей, у колодца, Сергей с отцом увидели двух мужчин-почтальонов, схавших на роз-

вальнях в сторону города. Через день стало известно - не досхали, замерзли.

Страшно подумать, но мой дедушка тоже однажды чуть не погиб во время бурана. Как обычно, он отправился в служебную поездку на грузовой машине в Явленку. В пути начался буран. Сначала показалось вовсе не страшно. Но вот беда - машина заглохла, а до места не доехали совсем чуть-чуть. Иван Федорович предложил шоферу двигаться пешком в сторону населенного пункта (если сидеть - можно замерзнуть!). Но шофер ответил: «Машину не брошу!» И пошел Иван Федорович один, тем более что ясно были видны телеграфные столбы вдоль дороги. Но вскоре буран усилился. Ничего не разглядеть кроме белой муты! Мелькнула мысль — «Вернуться назад, в машину», но тут же пришло в голову: «Зачем? Дорога непременно приведет к жилью».

А буран и не думал шутить - идти приходилось, вытягивая ноги из глубокого снега, проваливаясь - месить снег стало невмоготу! Что это? Неужели сбылся с дороги? Силы покидали медленно и от этого было особенно тоскливо и жутко. Пропал ни за грош! Вспомнились почтальоны, замерзшая девочка. Мысленно увидел себя окоченевшим, занесенным снегом. Нет! Надо шевелиться! Одежда ужасно мешает: на зимнее пальто надет тулуп с огромным воротником (ехать в холодном грузовике иначе было нельзя!). Скинуть тулуп - будет полегче, но замерзнешь - верное дело! Стало темнеть, день таял. Сколько же времени прошло? Кажется, целая вечность... Был момент, когда силы совсем оставили путника, тогда он стал ползти, перекатываться по

снегу. А ветер завывал, издевался над выбившимся из сил человеком. Вдруг показалось, что огонек светится впереди! Может, галлюцинация? Но нет! Действительно, домик на окраине села, где и приютили, и чаем напоили, и спать уложили. А на другой день ослепительно светило солнце, кругом, насколько хватало глаз, расстилалась снежная равнина, вчерашний буран казался чем-то невероятным и неправдоподобным...

ТАК БЫЛО

Случалось всякое в той суровой действительности. Как метко умела выхватывать Леля главные события жизни для своего дневника! Не каждый взрослый человек опишет все так обстоятельно и толково.

«1933 год: ... в Боголюбове открылся барак для больных тифом. Сейчас там много лежит народу.» Недаром загадка «Без чего человек не может жить?» - имела в Боголюбове страшную разгадку - «Без вшей». Этот мрачный юмор имел под собой основу. Каждый день уносил жизни людей.

«17 сентября 1933г. Умерла мама Поли Раздорской...».

«24 сентября 1933г. Заболела Сережина учительница - Анна Петровна Морозкина».

«29 сентября 1933г. Умерла Анна Петровна Морозкина».

«30 сентября 1933г. Хоронили Анну Петровну. Мама на кладбище произнесла речь».

Неподалеку от Зaborовских жила семья Васильевых - у них была баня, но топилась она по-черному. Не раз приглашали соседи к себе - однажды приглашение было принято. Однако закончилось все плачевно: лишь вымазались в бане по-черному, да еще и угорели - больше решили не экспериментировать. Прямо как в рассказе Зощенко «Баня»: «Бог с ним, дома домоемся!»

«5 февраля 1934 года. Пришла к нам Лиза Черникова за книгой и сказала, что Алешу Охотина убил Санька Васильев (оба мальчика из маминого класса). Мы сначала не поверили, но потом все подтвердились. Мы

были у Алеши. Как он изменился - перед смертью он потерял очень много крови».

Но что же случилось? Мальчики затеяли игру с ружьем. Санька Васильев прицелился в Алешу, будто он охотник, а Алеша - куропатка. Нажал курок - прогремел выстрел. И нет Алеши! Но это не конец истории. Надо не забывать, какое было время. Трагедия повлекла за собой другую. Отец Алеши Охотина был председателем сельсовета, поэтому дело в суде было представлено как покушение на сына председателя сельсовета, мол, все было подстроено нарочно Васильевыми...

Отец семейства — пимокат Васильев - был объявлен врагом народа, а вся его семья отправлена в ссылку.

В ОПАЛЕ

Ничего удивительного в том, что люди боялись друг друга, не было. Одно неосторожное слово могло подписать смертный приговор любому. Примеров тому очень много. Все были скованы страхом, отправляла существование липкая паутина доносительства, слежки... Был донос и на Ольгу Ивановну, в котором она незаслуженно обвинялась в насаждении религиозных взглядов на своих уроках. Мне очень трудно представить себе, что моя бабушка, зная отношение власти к религии, стала бы проповедовать их на уроках иностранного языка, если даже дома собственных детей к религии не приобщала. Доказательством тому служит отрывок из письма взрослой уже Лели брату: «Сережа, а как ты сейчас относишься к религии? О себе в этом

смысле могу сказать, что никогда не богохульствую даже в мыслях, но формальная принадлежность к церкви и формальные ритуалы имеют для меня малое значение. Нас с тобой в детстве активно не приобщали к такому направлению мыслей, не настраивали и против религии».

Во всяком случае, в 1934 году в Боголюбове доносу был посвящен президиум в сельском Совете, где дополнительно сообщалось, что дома у Зaborовских висит икона. На самом деле это была не икона, а репродукция с картины (картина имела, безусловно, религиозное содержание: молодой человек с мученическим выражением лица, с терновым венцом на голове). Напрасно Ольга Ивановна доказывала, что это не икона, ведь и подпись есть - написано по латыни - «эс гомо» (это человек). Картину пришлось уничтожить. А Бога надо благодарить, что делу не дали дальнейший ход, ведь по тем временам положение было серьезное. Очень поддержал «на процессе» Ольгу Ивановну директор Боголюбовской школы, носивший звучную фамилию - Коберник. Этот смелый человек был сам арестован в 1937г. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, т.к. семья Зaborовских дождалась наконец квартиры в Петропавловске, обещанной еще в 1932 году.

Шел 1935 год...

ПЕТРОПАВЛОВСК. 1935 ГОД

Приехав в Петропавловск, Ольга Ивановна стала работать в железнодорожном техникуме, в школе 1 им. Ленина, а позже - в учительском институте. По образному выражению ее коллег, «она не ходила — она летала». Один подъем на мост над железнодорожными путями чего стоил! (Особенно зимой). «Преподавательская работа, как никакая другая, требует того, чтоб ее любили, - говорила Ольга Ивановна, - я еще в 4-м классе мечтала быть учителем французского языка». И мечта ее сбылась! Во все времена благодарные ученики ценили отличные знания, которые она давала, вспоминают ее по сей день с доброй, ясной улыбкой - ведь и она всегда была приветливой с людьми, считая непозволительным показывать дурное расположение духа.

У Ольги Ивановны существовало и другое неписаное правило: не преподавать в тех классах, где учились ее собственные дети. Лишь в редких случаях Ольге Ивановне и Сергею приходилось все-таки «встречаться». Дочь училась - по прибытии из Боголюбова - в школе 2 им. Кирова. Способную девочку сразу заметили все учителя, особенно преподаватель математики Александр Афанасьевич Наумов. Уважаемого и любимого учителя дети называли между собой «Афон». Бывало, он давал на уроке сложную задачу, над которой требовалось хорошо поразмыслить - в классе наступала тишина. Александр Афанасьевич говорил: « Заборовская, план решения задачи в пространстве! ». Леся давала свою версию решения задачи, а учитель, удовле-

творенно покачивая головой, резюмировал: «Светлая голова».

Еще одно страстное ее увлечение - фотография. Если бы не это, мы не могли бы сейчас взглянуть на старый Петропавловск глазами Лели.

Дом на улице Кирова. 1935 г.

Сфотографирован ею и старый дом, в котором областное заготупправление (облзу) выделило Заборовским квартиру. Хотя квартира - это слишком громко звучит! Была просто одна комната, разделенная ширмой на две половины. Всего одна комната и общая (с соседями Аманбаевыми) кухня с русской печкой. Вечерами обе семьи пили здесь чай: выражение «шай шарга» и «самовар кайнады» пришли к нам из тех далеких времен ...

5 лет прожили две семьи бок о бок как родные, а воспоминания друг о друге сохранили на всю жизнь.

Одноклассники, соседи, друзья, подруги становились объектами фотосъемок Лели, а излюбленным фоном для съемки служил все тот же старинный буфет рода Ворониных, привезенный с Украины на станцию Петропавловск и доставленный в Боголюбово австрийцем Адамом, теперь же благополучно «перекочевавший» в городскую квартиру. На его фоне сфотографирована Надя Уборевич - дочь командарма Иеронима Уборевича.

Надя была ученицей Ольги Ивановны в школе 1, дружила с Лелей Заборовской, поэтому до меня дошли некоторые воспоминания о ней. В энциклопедии пятидесятых годов не ищите имя легендарного командарма Уборевича - уничтожали не только человека, но и память о нем. Жертвами репрессий становились как арестованные, так и их родственники. Командарм объяв-

лен врагом народа, и Надю заставили отречься от отца, публично, через газету, и дорога в вуз для девушки была закрыта. Надя бывала у отца в Кремле, видела близко Сталина, на ее тетрадках было золотое тиснение «Уборевич Надя» - теперь она приняла фамилию тети, жила у нее в Петропавловске и стала никому неизвестной Надей Завьяловой.

Надя Уборевич отвечает урок Ольге Ивановне
шк. №1 г. Петропавловск

Ольга Ивановна вспоминает, что когда у них под окном останавливалась машина, наступало томительное ожидание: «За кем на сей раз?», «Как бы не забрали мужа...» Забирали многих и всегда приезжали арестовывать ночью, с обыском. Сколько можно было жить и дрожать, не делая ничего плохого?! Никто не был застрахован от ареста ни положением в обществе, ни своей безвестностью. Перед глазами Ольги Ивановны и других преподавателей проходила целая вереница сломанных судеб учеников и их родителей...

Одноклассница Лели - Лия Экштейн (у нас в доме ее называли Люся) тоже воспитывалась у своей тети, т.к. ее мама - зубной врач Шапиро была расстреляна в 1937 году, а Лия отдана в детдом. И только спустя время ее смогли забрать оттуда родственники (семья Бамдас).

Фамилия Бамдас упоминалась в нашей семье в связи с еще одной знаменательной историей. В 1932 году мой дедушка Иван Федорович пошел за продуктами на рынок, а вернулся оттуда с очаровательным щенком величиной с варежку. Именно тетя Люси Экштейн (Бамдас) вручила Ивану Федоровичу этот пушистый комочек с просьбой позаботиться о нем - как она выразилась, «хотелось бы, чтобы пес попал в хорошие руки...» Так в нашем доме появился Дружок.

У нас в семье всегда с душой относились к «братьям нашим меньшим». Даже бродячего боголюбовского пса Бобку Леля и Сережа помнили спустя десятилетия!

Они рассказывали мне, что когда Бобка приходил к ним во двор, то всегда занимал позицию на завалинке. Ребята Заборовские просыпались - и первым делом видели на занавеске его профиль, высвечененный восходящим солнцем. Такое утреннее пробуждение с Бобкой на занавеске сулило хороший день, дети были рады.

Что уж говорить о нашем любимце Дружке?! Ольга Ивановна вспоминает в письме: «Никогда не забуду своего любимца и старожила Дружка - его ум, характер, преданность! Ведь он прожил у нас 15 лет и стал настоящим членом семьи». Для Дружка существовало табу - нельзя вспрыгивать на кровать! Он это требование выполнял, но в отсутствие хозяев позволял себе поблаженствовать на постели. Стоило снаружи вставить ключ в замочную скважину - он тут же спрыгивал с нагретого места и прятался под кровать. Ему было невдомек, что «предательская ямка», остававшаяся на покрывале от его лежания, выдавала его с головой! Самым «страшным» наказанием за это служила для него фраза, сказанная Ольгой Ивановной с нажимом в голосе: «Чья это собака?». Он полз по полу «попластунски», навстречу хозяйке, боясь поднять глаза, виляя хвостом - как говорил Сережа, «просил пардону» (пардон - «прошу прощения» по-французски)...

Соседи Аманбаевы (Мажит и Нагима), уехав в Акмолинск, в письмах к Заборовским вспоминали Дружка, общего любимца. Воспоминания были как светлые, так и тяжелые - например, о тяжелой утрате, постиг-

шей Аманбаевых еще в Петропавловске: в возрасте 4-х лет малышка Радалья (дочь Мажита и Нагимы) умерла от скарлатины. Тогда же вместе с Радальей заболел и Сережа Зaborовский, причем он был уверен, что тоже обязательно умрет вслед за нею. Хвала докторам Первой советской больницы - спасли мальчишку. Сереже было 15 лет. Когда после тяжелой болезни он начал вставать на ноги, видеться с родными ему разрешили только через стекло больничного окна. Вместе со всеми пришел к больнице и Дружок (а как же без него?). Ольга Ивановна запишет после посещения: «Дружок сначала сошел с ума от радости, что видит Сережу, а потом от горя, что не может к нему попасть...» Было это в 1939 году.

Для Лели это был счастливый год - она с золотой медалью окончила школу и поступила в Московский химико-технологический институт им. Менделеева (МХТИ, г.Москва).

По-разному сложилась жизнь многочисленных учеников Ольги Ивановны, ее детей - ведь «завтра была война». Но это уже совсем другая история, а напишут ее в письмах домой Леля и Сережа Заборовские. Молодцы ребята Заборовские — они уже тогда понимали, что много лет спустя эти письма будут нашей фамильной ценностью:

*Леля и Сережа Заборовские –
студенты МХТИ
им. Менделеева г. Москва*

«У нас просьба к папе - взять на себя подклейку и приведение в порядок присылаемых нами писем. Старые тоже не растеряйте! Пусть растет наш архив» - так напишут дети своему отцу. И мой дедушка, Иван Федорович Заборовский, с воодушевлением и свойственной ему аккуратностью выполнил их наказ. Студенческие письма Лели, фронтовые письма Сергея аккуратно собраны в три толстые книги.

Глазами очевидцев запечатлены исторические события: война, салют Победы в мае 1945 года в Москве, парад победителей на Красной площади, описан праздник 800-летия Москвы (1947г.), увиденные глазами Елены и Сережи, который, вернувшись с фронта, вместе с сестрой учился в МХТИ в г. Москве. Леля Забо-

ровская пишет в письме следующее: «До 1939 г. мы с Сергеем никуда фундаментально не выезжали из дома и поэтому переписка более раннего периода может быть представлена отдельными письмами. А вот с 1939 года, когда мне исполнилось 18 лет, я выехала от семейного очага в самостоятельную жизнь. Тогда и началась регулярнейшая (а не от случая к случаю) переписка. Встает в памяти любой отрезок жизни и даже конкретный эпизод... в общем, «Сага о Зaborовских» («а не о Форсайтах»)».

Я думаю, именно письма, на которых я воспитана, подтолкнули меня написать все это для журнала «Пропинция». Ведь, читая старые письма, учишься житейской мудрости. «Времена меняются, и мы меняемся в них», но остается стрежень, сердцевина, что и составляет фамильную ценность для членов одной семьи.

Книжки пишутся так: надо первое – с домом простиаться,
Чтобы щепкою быт не втянул нас в свои вертуны,
Заточить карандаш, в тишине у стола примоститься
И иметь за душой что-то главное, вроде войны...(М.Танич)

*Ольга Ивановна Воронина
(моя бабушка) 28 лет*

Ах, сочинительство! Может быть – это пустая трата времени? Право слово, никакой я не писатель. Когда главный редактор журнала «Провинция» Владимир Георгиевич Шестериков прочитал первую часть моей семейной хроники

«Чтобы жизнь повторилась сначала», он спросил меня:

- Вы, наверное, окончили литфак?
- Нет, Естественно-географический факультет, отделение биологии и химии.
- Значит в школе Вы преподаете биологию и химию?
- Музыку и хореографию.
- ???

Казалось бы, парадокс. А на самом деле и стиль, и слог у меня от бабушки моей, от ее ежедневных занятий со мной, от ее убеждения, что девочка в детстве, обязательно, помимо общеобразовательных наук,

должна изрядно преуспеть в хореографии и хорошо овладеть музыкальным инструментом. Ничего не поделаешь – таким было классическое воспитание в 19 веке, а бабушка родом оттуда.

До сих пор я использую заложенный ею во мне дар не столько интеллектуальный, сколько природный: писать, как дышать!

Вряд ли это можно объяснить, но со мной рядом живет мысль совсем не шаловливая, мол: «а почему бы и не написать», а очень серьезная «не написать я просто не могу, не имею права».

И ведь пишу я нелегко; это такая мука – искать нужные слова, перебирать их словно бусинки в плетении. Написанное на бумаге выходит таким бледным и невыразительным, по сравнению с тем, что роится в моей голове! Но в редакции журнала «Провинция» ко мне относятся с доверием, обмануть их ожидание я не могу, поэтому снова ... все уже написанное мною летит в корзину, не нравится мне и кажется бездарным. Неожиданно увидела в поэтическом сборнике В.Г. Шестерикова стихотворение «... опять не пишется мне что-то...» и удивилась этому созвучию ...

Но снова в груде мыслей роясь,

Зажав ладонями виски,

Идешь мучительно на поиск

Одной единственной строки...»

Я так люблю тишину. Я в ней растворяюсь. Но как же редко она поселяется у меня в доме!

И вот наступила такая минута – надо скорее сесть за стол и, будто пасьянс, раскладывать старинные фото,

пытаясь представить, какими были мои предки, составить цепочку поколений, укладывать, как мозаику, семейные предания о них на канву исторических событий. Так появилась моя семейная хроника о необыкновенной жизни моей бабушки Ольги Ивановны Зaborовской (урожденной Ворониной), и всем роде Ворониных, о древнейшем роде Зaborовских и моем дедушке, Зaborовском Иване Федоровиче.

А давайте вместе заглянем в конец 18 века! Уверяю Вас, вы не пожалеете.

У памяти двойное дно,
За переборкой переборка.
И потаенного полно
Мое факирское ведерко!
Актеры в гриме и без грима
Выходят вновь из-за кулис.
И повторяется на «бис»,
Что наяву неповторимо...

Чтобы жизнь повторилась сначала.

Это бабушка моей бабушки и полная ее тезка: Ольга Ивановна Воронина. Я считаю, мне очень повезло в том, что с раннего детства я не только лицезрела четырех своих прапрабабушек и прапрадедушек, но и, благодаря бабуле, была посвящена во все значительные события их жизни. Отсюда у меня любовь и чувство кровной принадлежности к моим дорогим и близким Ворониным, Зaborовским.

Прапрабабка, Ольга Ивановна была «помещицей голой деревни». Что это означает, я и сейчас не совсем понимаю (думаю: у нее не было крестьян, а в наследство она получила лишь земельные угодья)

А вот ее супруг Петр Алексеевич Воронин – «толстяк» (да простит меня прапрадед!- так я называла его в детстве, глядя на фото) был очень богат, всю жизнь свою занимался сельским хозяйством, был добр и либерален с крестьянами. Моя бабуля всегда добрым словом вспоминала своего дедушку по отцовской линии и с тяжелым вздохом сообщала мне: «Умер, бедняга, от апоплексического удара». Его смерть и этот медицинский термин моя бабушка связывала с излишней полнотой Петра Алексеевича.

Прапрабабка Ольга Ивановна Воронина, имела жесткий характер- это сквозит в чертах ее лица. Именно она командовала «парадом» в имении, а также дворней и прислугой. Чего стоило ее выражение в беседе с другой помещицей, зашедшей к ней в гости: «Каково дворовые зазнались! Моя прислуга завела себе такой же самовар , как у нас! А? Каково!» Она очень любила одеваться, менять туалеты и «наколки» - так назывались головные уборы замужних женщин вроде той, какую вы видите на фото. «А как же – говоривала она, - придут ко мне люди, а я одета абы как!»

Однажды в имение Ворониных, нежданно-негаданно явилась цыганка. Она не была приглашена в дом. Чем не угодила она хозяйке имения я не знаю: гадали ли своим, а, может быть, она даже не была допущена к своему извечному занятию? Скорее всего, Ольге Ивановне не понравилась надоедливость и нахрапистость незваной гостьи.

Цыганка всё-таки получила в имении целый узел старой одежды. Придерживая обеими руками свою «добычу», она предрекла помещице перед собравшейся

прислугой: «Сердита барыня, - на Велик День умрешь!», чем привела в суеверный трепет всех от мала до велика. (Велик День – означает праздник в Малороссии – А.И.С.)

И ведь не соврала цыганка! Прапрабабушка Ольга Ивановна умерла в светлый праздник Пасхи. Было ей тогда 90 лет. Отпевали ее в церкви. Перед выносом на кладбище, неожиданно ... покойная очнулась. Что это было? Летаргический сон? Какое-то странное состояние анабиоза, но она после своего «воскрешения» прожила ещё неделю, не вставая с постели; и тогда умерла уже действительно. Ее старший сын Иван, был распорядителем похорон своей матери и так был потрясен произошедшим, что тут же составил личное завещание, где одним из пунктов значилось: «в случае моей смерти хоронить лишь тогда, когда признаки моей смерти будут очевидны».

А известны мне эти подробности потому, что этот самый Иван был отцом моей бабушки, т.е. моим прадедом. Большой портрет Ивана Петровича Воронина, выполненный знаменитым фотографом – французом, по фамилии Пэрль, и сейчас висит в моей квартире.

При жизни же он просто боготворил свою мать, привил и своим троим детям уважение к бабушке. Бывало, дети расшумятся, оспаривая свое право на какое-нибудь лакомство: Петя объявлял, что он старший сын, Николаша заявлял о себе, как о младшеньком, а Олењке (моей бабушке) оставалось лишь козырнуть: «А я – единственная дочь!» Но тут неизменно появлялся отец и говорил: «Тише! Бабушка отдыхает!» И в доме становилось тихо.

Как-то Коля, будучи уже кадетом, присхал к бабушке в имение на каникулы. Помещица сделала внуку замечание по поводу его поведения. И ведь Николай ничего плохого не ответил ей, а лишь, отступая от бабушки спиной, кланялся ей и повторял на разные лады одно выражение: «Воля ваша! Воля ваша... Воля ваша...»

Правильную мысль (воля-то действительно была бабушкина) он довел иронией до абсурда, а этот принцип всегда действует безотказно!

Однако, на его беду, сзади к шалуну подходил отец, который видел, как неодобрительно покачивает головой бабушка. Отец сгреб сына-кадета в охапку и «показал ему по первое число» (выражение Ивана Петровича Воронина) как надо относиться к бабушке!

Казалось бы, в дворянской семье физические методы воспитания не должны были бы применяться, но детей у Ворониных не баловали. Одним словом, рекомендаций к воспитанию нет. Растишь детей и никакого опыта не приобретаешь! Каждый ребенок – это отдельная история. Давать родителям советы, как воспитывать ребенка – все равно, что советовать Богу, как создать Мир!

«...Если заговорят портреты»

«Читайте детям не нотации, а книги», - этот лозунг используется в качестве социальной рекламы на улицах Москвы. Литература не устает повторять: «Все мы родом из детства». Присмотритесь к своему чаду – не дай Бог, заметите скуку в глазах: это ни что иное как сон разума, который рождает чудовищ: преступность, наркоманию. Когда ребенок вырастет -каким он станет? Да таким же, каким он был в детстве, только менее «гениальным». Да, да, каждый ребенок рождается гением, он не знает, как надо, а заново «изобретает велосипед».

Меня, с некоторого времени, больше занимает вопрос: какими *МЫ БЫЛИ В ДЕТСТВЕ?* Ведь воспоминания о детстве сразу подвигают к творчеству. Не правда ли? Хочется порадовать того ребенка, который жив в нас по сей день! Для этого просто необходимо вернуть свои ранние впечатления, конкретные вещи.

Я, например, вспоминаю наш маленький садик во-круг дома с астрами, васильками, настурцией и космсей . Вспомнить надо максимально точно: все-до погнутых гвоздей забора, до серых от времени сараев, со всеми трещинками в досках. Вспомнить штабеля дров, пахнущие березой, и чурбачки, и кучи опилок... Когда появятся эмоциональные точки детского периода, надо вспомнить - чего я боялась тогда, к чему стремилась – так я восстановливаю в себе того ребенка, которого давно – давно загнала глубоко внутрь себя

Задуматься, ... в себя уйти,...
Пошарить в памяти, как в доме,
Где ничего живого, кроме
Сверчка, в подполье не найти.
Но есть в нем признаки житья –
Чуть заскрипела половица –
И звуки, запахи и лица
Явились из небытия (М.Танич)

Это дедушка и бабушка моей БАБУШКИ с материнской стороны. Литвиненко Петр Иванович, потомственный почетный гражданин г.Санкт-Петербурга и Литвиненко Надежда Григорьевна (урожденная СВАРИКА)

Про своего прапрадедушку я знаю лишь, что был он богат и знатен, умер сравнительно молодым, в 58 лет. Всмотритесь, какое самобытное лицо.

После смерти прапрадеда, его жена уехала из Санкт-Петербурга в город Ромны (Сумской губернии), где у них был дом. Прапрабабушка зарабатывала репетиторством, хотя могла продолжать вести светскую жизнь, на оставленные мужем средства. Но Надежда Григорьевна была труженицей и стала лучшим репетитором немецкого и французского языков в городе.

Всю оставшуюся жизнь она была связана с местным реальным училищем, куда и поставляла своих воспитанников. В училище знали : если это ученик Надежды Григорьевны – он прекрасно подготовлен. Надо ли говорить, что своих собственных детей чета Литвиненко подготовила к жизни высококультурными, образованными и интеллигентными. Честно говоря, сколько детей было в этой семье, я не знаю, но дочь их, Марию Петровну Литвиненко, я знаю очень хорошо, т.к. она, впоследствии, стала мамой моей бабушки. Итак, я познакомила вас с моей прабабушкой – Марией Петровной Литвиненко (в замужестве Ворониной).

Теперь положим две фотографии вместе : прадед Иван Петрович Воронин (точная копия его портрета висит у меня над письменным столом) и прабабушка Мария Петровна Литвиненко.

Меня часто спрашивают знакомые: почему я не пишу на ноутбуке – это ведь так удобно. А мне кажется, что технология убивает настоящую литературу. Мои герои должны быть правдивы, реалистичны, созданы из плоти и крови. Живые. Без ретуши. Компьютер хорош при пользовании экономической, юридической базой – тут он просто незаменим. Но как я буду описывать «языком железа» мою прабабушку, Марию Петровну?! эту маленькую хрупкую женщину! почти ребенка... Нет, для лирических воспоминаний больше подходит перо и чернильница письменного прибора,

оставшегося мне в наследство от Ворониных, нежели шариковая ручка. То ли дело живые интонации рукописного текста...

Моя прабабушка родила в браке с Иваном Петровичем троих детей: два сына и дочь-любимицу – Оленьку. Она доченьку просто обожала. Особое место девочка занимала и в сердце отца. Однако отец был неуемным, подвижным, деятельным . Главное, что ему импонировало в его любимице – это наличие сильного характера.

Но ... в 1898 г. Марии Петровны не стало. Моя бабушка, вспоминая свое полусиротское детство, говорила коротко: «ИНФЛЮЭНЦА...»оказывается это красивое название гриппа с осложнением на легкие – ни что иное, как нынешний Н-1 АШ-1, пришедший к нам видоизмененным и модифицированным через века. Этой теме была посвящена недавняя телевизионная передача «Здоровье». Именно из нее мы узнали: «инфлюэнца» и Н-1 АШ-1 это одно и то же. Как и в конце 19 века, так и в начале 21-ого века. в группе риска остаются беременные женщины. А моя прабабушка была тогда беременна. Ребенка спасти, тоже не удалось.

Как много раз слышала я все это в детстве. Впоследствии я стала записывать, отдельные рассказы, которые постепенно связывались в одну повесть длиною в несколько жизней. Может быть, действительно, в

воздухе движутся какие – то волны, а события накопленные моими предками существуют во мне? Или каждый человек начинает все сначала, а все предыдущее ему ис в зачет? Меня не покидает ощущение, что все это было со мной, просто я давно об этом не думала, а тут что-то близкое, старое, родное подошло ко мне.

Думаю, исключительно, благодаря своей целеустремленности, Ольге Ивановне удалось впоследствии сохранить себя, свою семью, своих детей в годы революции, гражданской войны, в условиях крайне враждебных для людей ее происхождения. Что это? Мудрость? Везение? Ольга Ивановна не пропала, не бежала за границу, а сделала свой собственный, правильный выбор...

Не малое значение сыграло в дальнейшем решение принятное всей семьей - уехать в 1932 году в Казахстан, подальше от центров классовой борьбы.

Так родились мои воспоминания о бабушке, описанные в журнале «Провинция» №1 - 2006 г.

Те, кто подарил мне счастливую возможность поделиться с вами этими воспоминаниями, знают: моя благодарность им за это безмерна! Ведь именно благодаря публикациям и интернету я получила бесценные для меня отклики на эти мемуары.

СПАСИБО, НАТАША!

Первый отклик на семейную хронику я получила из Санкт – Петербурга от моей школьной подруги, живущей там ныне – Наташи Граковской, которая хорошо знала мою бабушку, часто бывая у нас дома раньше.

«... С интересом прочла в интернете твою повесть, - пишет Наташа, - приятно, что стиль легкий и заслуживающая уважения тематика».

Разделив мое искреннее увлечение темой литературного опуса, моя подруга не поленилась сходить на Благовещенскую площадь, пройтись по Конногвардейскому бульвару, подойти к бывшему Ксенинскому институту и узнать, что стало ныне с этим благословенным для моей бабушки местом?

Благодаря Наташе: вот что удалось узнать:

В настоящее время это Дворец Труда, функционирующий как центральный офис профсоюзов с 8 ноября 1918 г. В 1918 г. здесь размещалось общество «Долой неграмотность», бюро по шефству над деревней. В 20-е, 30-е годы здесь выступали М. Горький, В. Маяковский и Ф. Шаляпин. В годы блокады в Ленинграде в здании дворца располагались ускоренные курсы по подготовке медсестер и сандрожиниц. На втором этаже находился военный госпиталь. В войну в здание Дворца попало два снаряда. 28 сентября 2005 г. в здании бывшего Ксенинского института на первом этаже открылся Музей истории профсоюзного движения. Саму Благовещенскую площадь переименовать в Площадь Труда, но недавно (Господи, слава тебе!) вернули ей прежнее название.

Да! Великое здание ... и всегда оно в центре исторических событий.

В заключение письма, Наташа настоятельно приглашала меня к себе, для того, чтобы проехать по местам молодости Ольги Ивановны Зaborовской – Ворониной. Она меня убеждала в письме: «Ты ДОЛЖНА совершить это путешествие! В Лозанну мы, конечно не поедем; но что касается бывших финских земель, то теперь они доступны, а многие из них исхожены, т.ч. присажай – доедем до самой Халилы, где поправляла здоровье твоя бабушка, будучи ребенком».

Отказаться от такого предложения я конечно не могла. И вот я в Санкт-Петербурге, у Наташи. Не виделись мы с ней с самого выпускного бала в школе, поэтому разговоров у нас – тьма! А дорога ведет нас по Английской набережной прямо к Благовещенской площади, к Ксенинскому институту.

Наташа, как опытный экскурсовод рассказал свой начинает от Петра I. Именно на месте Благовещенской площади при Петре находились склады для сушки и хранения корабельного леса. По ассоциации с любимыми Петром I Нидерландами это место называется Новой Голландией. В начале 18 века здесь даже был возведен небольшой деревянный дворец, называвшийся Голландским Домиком (не сохранился), где отдыхал Петр... А в конце 18 в. здесь был Канатный двор и дома флотских офицеров, переведенные впоследствии в Кронштадт.

Когда же мы подошли к дому 4/24/19 у меня от волнения сердце, казалось готово было выскочить из груди!... И тут пришло время вести рассказ мне.

«Языки с горохами»

Историческая справка:

«...В связи с тем, что дворец стал учебным заведением, часть помещений дворца подверглись перепланировке и переделкам. Среди прочих великолепных дворцов Санкт – Петербурга в Ксенинском особо примечательны: богатый вестибюль и величественная парадная лестница, два двухсветных зала – Танцевальный и Банкетный... После падения царской власти занятия детей в институте прекратились. Ксенинский институт просуществовал до 1917 г.»

Как по иному раскрываются исторические сведения, когда их слышишь от живого свидетеля того времени! Эти двухсветные залы – особый предмет рассказов моей бабушки: двухсветный – это значит: высота зала двухэтажная и окна расположены в два яруса – один ряд над другим. По иронии судьбы, при Великом князе Николае Николаевиче здесь находился манеж для выездки лошадей и лишь потом вместо песка здесь был выложен прекрасный паркет, на котором проходили балы и встречи с почетной председательницей института Ксенией Александровной, сестрой царя Николая Второго.

Ксения Александровна часто навещала своих подопечных. Перед её приездом муштровали воспитанниц страшно! Передники должны были быть одной длины, все было выверено до одного миллиметра. Такой была форма воспитанниц института: пелеринки, белые нарукавники и передники на форменном платье. Цвет платья был для каждого класса определенный: синий, малиновый и т.д.

Реверанс в честь Ксении Александровны должен был быть одной глубины (независимо от роста), чтобы все присели, как по линейке. Случалось, что воспитанницы на репетициях даже падали в обморок от чрезмерного напряжения.

У начальницы института фон Эккерман были свои причуды: при посещении института различными высокими гостями, после вкусного обеда она приглашала трех воспитанниц – немку фон Роот, нашу знакомую – Олю Воронину и ее подругу Лелю Харченко. Начальница демонстрировала своих учениц, как диковинку, сопровождая показ комментариями. Фон Роот вызывали из-за grenadierского роста. Девочка стеснялась, пыталась присесть на одну ногу, - на что начальница говорила: «Не горбись, выпрямись, покажись во

«1 Класс» Харьковъ

весь свой богатырский рост». Наступал черед Оли и Лели – ну, этим хоть не была обидна эта демонстрация, т.к. Олю показывали за ее необыкновенно красивые искрящиеся глаза, а Лелю за ее невероятно маленький «как вишенка» ротик. Комментарии были такими: «Мадам, вообразите, чем заняты эти глаза по вечерам: они все свободное время ЧИТАЮТ (начальница делала возвышенное ленивое движение рукой, выказывая иронию), а ротик Лели вызывал ее удивление тем, что по размеру был меньше, чем каждый из ее собственных глаз...»

Как много сарказма было в рассказах бабушки о глупых выходках начальницы.

Вот такое ядовитое стихотворение родилось у маленькой Оли Ворониной на прощание с институтом. Под дружный смех воспитанниц она зачитывала это в дортуаре перед отбоем:

«Прощай, Эккерман – лягушка,
институтская квакушка!
Прощай, школьная доска –
институтская тоска!»

Об образовании же ничего плохого сказать было нельзя, знания давали глубокие. Оля вспоминает в письме: «...Ксения Александровна хотела сделать институт чем-то особенным. Он был самый молодой в Петербурге. Много в нем было новшеств! Кто только из видных людей не посещал наш институт?! Я пре-

красно помню милого доброго человека – Павлова Ивана Петровича, великого ученого, физиолога ...

В институте можно было получить и высшее образование: коммерческое, техническое»

Кроме того девочки в совершенстве знали – 2 языка: немецкий и французский. Именно языки и стали бабушкиной будущей профессией. Но нет предела совершенству - Оля, при поддержке своего отца, поехала в Швейцарию шлифовать свой и без того безупречный французский.

Швейцария. Лозанна. 1912г.

Забегая на 5 лет вперед (1912 г.) скажу несколько слов о Швейцарии. Это фешенебельный пансион Лозанны «Виль ля Альбион». В центре – хозяйка его m-lle де Бонзон. Молодёжь со всего света постигала здесь

тонкости французского языка. Оля Воронина сидит 3-я (слева). Слева от нее – немец, оперный певец Ниггауз; справа – итальянец Босхи. Не проходило ни одного дня, чтобы молодые повесы как-то не «насолили» m-lle де Бонзон. Вот, например, даже на этом снимке стоящие сзади неё мужчины держат над головой, ничего не подозревающей Бонзон, шляпку-конотье. Когда она увидела на готовом снимке эту мужскую шляпу, то в гневе разбила негатив (раньше они были стеклянными!) т.ч. это единственное фото (экслюзив), дошедшее до наших дней. Много проделок придумывали эти великовозрастные оболтусы, чтобы пошутить над Бонзон, т.к. она свирепела, как носорог, в ярости краснела (ярким факелом) и топала ногами. После фотографирования Босхи и Ниггауз подняли вместе со стулом Олю Воронину и, не взирая на вопли m-lle де Бонzon, отнесли ее на II этаж, где Оля снимала комнату. Французским языком на высших курсах с молодыми людьми занимался профессор, месье Серван. И делал он это с таким мастерством, что его ученики, окончив курсы, имели право преподавать язык на любом уровне. Ольге Ивановне это очень пригодилось в дальнейшей жизни: были на ее преподавательском поприще и школа, и техникум, и институт. Она даже обучала французскому языку преподавателей Петропавловского учительского института, защищавших кандидатский минимум.

Вернемся в Петербург.

Дисциплина в институте была очень жесткой. Воспитанницы разговаривали даже друг с другом – один день по-немецки, другой день – по-французски. Дежурили при детях ежедневно классные дамы соот-

ветственно один день – немка, другой – француженка. Хорошо помню по рассказам классную даму немку-фон Энгельгардт. Вот она вывешивает перед воспитанницами меню на русском языке, составленное ею собственноручно: где одно блюдо записано ею буквально следующим образом: «Языки с горохами». Оля объясняет ей, что по-русски так сказать нельзя – надо: «Язык с горохом (или гороховое пюре)». Немка добродушно смеется : «M-lle Woronine, это глупости! Вас много, а я вам дам один язык и один горох?!? Нет! Я вам дам много языки и много горохи!»

Наташа звонко смеется над моим рассказом. Мы в двухсветном зале и голоса наши гулко отдаются эхом. Представляю, как балетмейстер – итальянец Пуцилли дирижировал фигурами мазурки, полонеза, вальса! Я даже встала в позу и показала Наташе, как он всегда говорил три слова: «Руки … Корпус…Хорошенько…» Пожалуй, это единственное, что он знал по-русски. Хотя нет: он ещё считал в такт музыке: «Аз..., а..., и..., ии (это означало: Раз, два, три, четыре) Держался он, как натянутая струна, никогда не расслабляясь, а Оля Воронина смешила подруг стишком, переделанным ею и известного стихотворения М.Ю Лермонтова: «Воздушный корабль»:

«.... По длинным доскам коридора,
Лишь девять блеснет на часах
Наш милый Пуцилли несется,
Несется на всех парусах!
Не гнутся высокие ноги,
На них сапоги не скрипят
И, молча, в открытые двери
На него институтки глядят...»

Пародию на Пуцилли (Аз...., а...., и..., ии) в моем исполнении эхом повторяет двухсветный зал, который давно не реставрировался, и это видно, но находится ещё в приличном состоянии.

Историческая справка:
«Среди прочих великолепных залов Ксенинского дворца особенно примечательна Домовая церковь во

имя Богородицы. Особый интерес в ней представляет часовня с двумя приделами наподобие пещеры Гроба Господня в Иерусалиме. Ее построили по образцу Спасской церкви в митрополичьих покоях Ростова Великого, которая очень понравилась путешествующему по России Великому Князю Николаю Николаевичу. Когда Великий Князь умер, его супруга постриглась в монахини с именем Анастасия. Домовая церковь была закрыта в конце апреля 1918 г.»

Но жизнь продолжается. Первое богослужение после закрытия храма с чином малого освящения совершилось 25.10.1999 г.

Да...церковь, увы, требует серьёзной реставрации, в том числе и настенные фрески.

Во дворе, рядом с церковью стоит ящик с приглашением Прихода Церкви «...желающие внести свой посильный вклад на восстановление Храма могут сделать пожертвование тут же или послать их на расчетный счет прихода...»

Мы с Наташей, конечно же, внесли свою скромную лепту в благое дело. Подумать только: здесь ступали маленькие ножки моей бабушки, а было ей тогда лет 10-15, ведь в Ксенинском институте она провела с 1900 -1907 г.г.

Земля неизведанная

В старинном альбоме 1899 г. – хранится у нас дома фотография:

1904 г. на фоне деревянного здания расположилась большая группа людей. Это Финляндия, санаторий «Халила» для детей с ослабленным здоровьем. Вот и Оля Воронина стоит у самого окна – девочка каждый год попадала в санаторий – такой слабенькой, маленькой и худенькой была она в детские годы. И это несмотря на то, что на весь Ксенинский институт в Финляндию давали только два места!

Я думаю, что сейчас могла бы рассказать моей бабушке Оле, частой посетительнице санатория, много неизвестного ей из истории Халила, т.к. по младости

лет, она, вероятно, мало интересовалась сутью вопроса, а воспринимала окружающее, как данность.

Историческая справка:

«... Согласно одному из первых летописных упоминаний, относящемуся к 1610 г. в деревне Хатила имелось 11 крестьянских дворов. Это была типичная карельская деревня, крестьяне которой, являясь подданными Шведского королевства, исправно платили налоги в государственную казну. Но в начале Северной войны жители Хатила, как и всей Финляндии попали в зависимость от русской короны. С этого момента всем своим достатком крестьяне были обязаны существованию на территории Хатилы одноименного санатория. В санатории было три отделения: Николаевское (этот корпус имеет телефон прямой связи с царскими покоями), Александровское и Малая Хатила (по-фински Пикку Хатила) – Мариинское детское отделение.»

И коль санаторий Халила вмещал в себя 320 пациентов, то детское отделение имело всего 60 мест на всю Россию! Читаем пояснение Оли на обороте фотографии:

«Царствующая императрица Мария Федоровна распорядилась подарить домик для отдыха и укрепления здоровья детям, воспитанницам институтов, потому отделение называлось Мариинское, на все 10 петербургских институтов было всего 24 места – капля в море! Больше всех мест имел Николаевский сиротский институт – ведь там было 700 воспитанниц. Наш, Ксенинский, был самый молодой – последний открылся – имел всего 2 места».

Нужно ли говорить, что побывать в Санкт - Петербурге и не съездить в Халила я просто не могла! И вот мы с моей школьной подругой на станции Ланская. Именно отсюда отправляются поезда в Финляндию и на бывшую финскую территорию (а ныне окрестности Санкт – Петербурга). Можно сесть на финский поезд «Сибелиус», а мы с Наташей едем нашим поездом с красивым названием «Лев Толстой».

Во время следования поезда оторвать меня от окна было просто невозможно, и потому Наташа, оставив эту затею, сопровождала все, увиденное мною, своими комментариями.

В 2-х км от станции Ланская – Поклонная гора, на вершине которой установлен крест в память о царской семье. А вот и Суздальские озера несравнимые ни с чем по своей красоте! Вокруг приметы нынешнего времени: 10-, 17-, 25- этажные дома, элитные коттеджи, престижные дачные районы. Шувалово... Парголово...здесь начинается Ленинградская область (название сохранено со времен СССР) Графская ... Дибуны...Белоостровское.

В Царской России здесь был таможенный досмотр багажа, т.к. в полверсты отсюда проходила граница с Финляндией.

Историческая справка: «здесь в Белоостровской учреждено таможенное управление, и введенъ таможенный тарифъ, имевшій почти запретительный ха-

рактеръ, грозивший убить торговлю и промышленность Финляндии. Кроме того это было огромное неудобство для публики – вызывалось оно распоряжениями чиновъ охраны, предполагающихъ путемъ систематическихъ обысковъ обнаружить тайный ввозъ оружія въ Россію и пресечь доступ въ столицу революционнымъ элементамъ. Пассажиры без различия пола и ихъ общественного положения, иногда без всякихъ причин приглашаются для обыска въ жандармскую комнату. Составленіе протокола о незаконномъ задержании, а равно и жалобы не имеютъ практического значения».

Когда Наташа узнала, что я с удовольствием посещаю в Петропавловске клуб «Краевед» и даже пишу статьи об архитектурных памятниках Петропавловска (статьи мои она читала в интернете, в частности – с.и. *приложение № 5 ст. 145 «Дом Строгановых»*), то сказала, что хочет подарить мне идею, заимствованную у карельских краеведов. Они используют (в историческом ракурсе) сегменты территории Карельского перешейка и издают по ним сборники очерков. Возможно это сложно и затратно, но над этим стоит конечно, подумать.

Будто по заказу по нашему вагону проходил «книгоноша», и мы (сравнительно дешево) смогли купить у него книжку таких очерков об искоомом Юго-Западном секторе Карельского перешейка, включающем Халила. После этого я уж не знала куда смотреть – в окно или в книгу? Нет, конечно же, в окно! В книгу ещё успею!

Хвойный лес поминутно сменяется березовыми рощами. Мы проезжаем мимо Сестрорецкого курорта с местной минеральной водой в бассейнах, на берегу Финского залива. Наташа знает эти места хорошо, т.к. здесь, в доме отдыха «Дюны», встречала с мужем 2005 Новый год.

Затем наш поезд «Лев Толстой» по железнодорожному мосту перебрался через реку Сестру (по прежним временам мы бы оставили за собой русско-финскую границу). Начинается территория, отошедшая к СССР после войны с Финляндией в 1939 г.

Именно здесь в 1918 г. финны построили первые деревянные и земляные укрепления, заботясь о своих южных границах. В декабре 1939 г. части красной армии вышли к главной линии финских укреплений, названной ЛИНИЕЙ МАННЕРГЕЙМА (в честь командующего финскими войсками бывшего русского генерала Карла Маннергейма). Здесь были кровопролитные бои – много наших ребят сгинуло. Как это важно, что в наших Петропавловских школьных музеях есть памятные списки выпускников – петропавловцев, погибших на полях боев в русско-финской войне...

Летом 1940 г. советские саперы подорвали все неуничтоженные в ходе войны сооружения. Однако до сих пор здесь встречаются груды окаменевшего цемента, и нынешние грибники постоянно встречают заросшие окопы, остатки ДОТов. Об этом Наташе известно не понаслышке: ее муж заядлый грибник и именно тут расположены любимые места сбора грибов.

Далее «Солнечное» (Оллила) – с великолепными песчаными пляжами, - толпами отдыхающих, и, к сожалению, тонны мусора...

Если бы я не ехала в Халила то с удовольствием вышла бы из поезда, т.к. мы подъехали к Репино (ранее Куоккала). Здесь музей – усадьба Репина «Пенаты». Наташа говорит – музей находится в приличном состоянии, проводятся экскурсии. Жаль, но мы удаляемся от Репино.

Наш поезд «Лев Толстой» поднимается на довольно значительную возвышенность, покрытую густым хвойным лесом – КОМАРОВО! (Келломэки) (помните? – «на неделю, до второго, я уеду в Комарово...»)

Санатории и пансионаты здесь и в Зеленогорске (Териоки) такие дорогущие, что дешевле в Турцию слетать! А Наташа добавляет: финны очень тоскуют, лишившись этой жемчужины Карельского перешейка. Для них есть даже специальный ностальгический маршрут по бывшей финской территории.

Всё ближе мы к Халила. Природа не везде одинаково красива, есть сравнительно сырье места, с однообразным каменистым пляжем, чахлой зеленью – наверное, такой пейзаж наводит уныние даже на неприхотливого петербургского дачника, тем более, что недостроенная в 1980 г. дамба (от наводнений) приводит к нарушениям в экологии – залив периодически «цветет».

Совершенно иначе устраиваются на отдых финны. Покидая пыльные города, они избегают всякой скуchenности и ищут приволья в своих шхерах, на берегах живописных озер, в соседстве с сухим, вековым лесом.

Из писем Оли Ворониной:

«Чувствовать себя в Хатиле исключительно хорошо...мы не только здоровели физически и быстро поправлялись, но и отдыхали душой от наших институтов, которые мы не любили и где нас частенько мучили. Здесь с нами обращались гуманно, не брали и не наказывали».

«Лечили нас прекрасно – без лекарств. Воздух там исключителен. Вне дома мы находились с 11 часов утра до 7 часов вечера. Санаторий заперт на ключ, до наступления обеда или ужина. Аппетит нагуливали прекрасный. Зимой – лыжи, летом – лес. В больших комнатах для 3-х человек никакой мебели: 3 кровати, 3 стула и 1 стол. Нет даже штор, т.к. там может быть пыль. А на ночь платья выносили в коридор на специальную вешалку. Кормили не порционно, а кто сколько захочет. В воскресенье обязательно давали мороженое в больших кружках. Брали порции по четыре. Можно было взять их себе в комнату. Ангину, кстати лечили интересным методом – давали мороженое или даже лёд!»

Незаметно летит время – и вот мы уже в конечном пункте нашего железнодорожного путешествия Канельярви. Далее 10 км предстоит проехать автомобильной дорогой с хорошим асфальтовым покрытием до населенного пункта Уусикиркко.

Боже мой, неужели я вижу эту живописную дорогу на берегу озера Халиланъярви! Бабушка говорила, что от усадьбы до противоположного берега ходил паром,

с которого можно было любоваться красотой окружающей местности, а большой парк, доходящий до самого озера служил главным местом лыжных прогулок.

Санаторий Халила именуется теперь «Сосновый бор» (не путайте с «Сосновым бором», который находится в Ломоносовском районе ленинградской области! – там расположена атомная электростанция).

Чтобы придумать для Халила такое название - «Сосновый бор», - не надо обладать большой фантазией, кругом вековые сосны, тишина, и лишь вершины стройных деревьев поскрипывают под ветром с Финского залива. На снимке 1904 г. сосны выглядят то-ненькими, молодыми, а нынче крона их раскидиста, стволы кряжистые, одному не обхватить...

Главврач санатория И.В. Габрилович (рассказывала бабушка) был очень душевным человеком, за что был горячо любим воспитанницами. На фото он сидит в самом центре. Мне удалось узнать, что его правнучка и сейчас живет в Халила. Более того, мне удалось ее разыскать. Александра Ивановна, узнав своего прадеда на моем снимке с радостью ведёт меня к тому месту, где раньше стоял корпус Мариинского детского отделения Халила.

Во время Великой Отечественной войны здесь гремели бои. О доме теперь напоминают лишь остатки каменного фундамента, да сосны – их пощадил огонь. Я подхожу к каменному фундаменту и кладу цветы. Вот я и нашла, бабуля, еще один твой след на земле! Как много я слышала рассказов об этих местах!

Кроме того у Александры Ивановны имеется альбом, где по снимкам прослеживается история Халила –

первого санатория, где поправляли здоровье страдающие малокровием воспитанницы институтов. После таких оздоровительных сезонов Ольга с другими воспитанницами возвращалась обратно в Санкт – Петербург, в институты, где жизнь текла по устоявшимся канонам.

Александра Ивановна собирает всё встречающееся ей о Халила. Вот какой след оставил в Халила русское революционное движение:

«1 января 1908 г. консервативная газета шведской партии Huffudstadsbladet» в своем годичном обзоре высказалась так: «... русские революционеры бесстыднейшим образом злоупотребляли оказанным им гостеприимством и, невзирая на тяжелое политическое положение, продолжали свою подпольную работу в пределах Финляндии»

Позже в 1917 г. Халила посетил Владимир Ульянов (Ленин). 31.12.1917 г. он скрепил своей подписью договор, признавший Финляндию независимым государством и решил поехать отдохнуть в прекрасном мес-тчке Халила. Stalin был тогда наркомом по делам национальностей и тоже считал эту поездку совершенно безопасной. Поезд, которым ехал вождь мировой революции в сопровождении жены – Н.К.Крупской и сестры М.И.Ульяновой, 2-х телохранителей и комиссара Финляндского вокзала Эйно Рахы благополучно прибыл на станцию Уусикирко, далее компания пересела на сани и добралась до санатория Халила. Но опасения у большевиков за жизнь вождя всё-таки были, поэтому они через два дня увезли всех троих гостей из Халила.

Меньшевики и эсеры тайно доставили в Халила 2 револьвера и гранаты для организации теракта, порученного привести в исполнение Тягунову и Мартынову, которые прибыли в Халила через 2 часа после отъезда оттуда Ильича.

И всё-таки, 4 дня спустя, Ленина в Питере обстреляли другие исполнители приговора.

В истории Халила записано: «после свержения царя пациенток Мариинского отделения как ветром сдуло» - но это, как мы знаем произошло в 1917 г., а на моем снимке - 1904 г.

После подписания договора, признавшего Финляндию независимой, санаторий опустел...русские пациенты перестали его посещать. Деревенским обывателям оставалось лишь сожалеть о золотых временах, проведенных под сенью русской короны, когда царские рубли рекой текли сюда. Накопленные людьми деньги моментально обратились в бумажный хлам – ведь вся экономика была ориентирована на запросы лечащихся. И теперь жители Халила не могли взять в толк: какую пользу принесла им только что обретенная независимость?

А Великая Княгиня Ксения Александровна, эмигрировавшая в Англию, в 1928 г. обратилась с судебным иском с целью оспорить право собственности на санаторий Халила. Тяжба длилась долго, наконец истница устала и согласилась на мировую: *возмещение Финляндией отчужденного имущества в пользу русских наследников в размере 15000 английских фунтов. Деньги были переправлены в английский банк в 1933 г.*

Сама Великая Княгиня скончалась в 1960 г.

Я очень благодарна Александре Ивановне за то, что она мне рассказала и показала свой архив.

Венцом всей поездки своей я считаю красивейшую православную Александро-Невскую церковь, построенную совсем рядом с детским корпусом Халила в 1905 г. Значит бабушка моя проходила мимо нее каждый день, наверняка входила внутрь, а глаза ее были устремлены в ее сторону.

Изначально эта церковь предназначалась для царской семьи, а с 1925 г по 1939 г была реконструирована в лютеранскую кирху.

Однако ныне все вернулось на круги своя – Александро-Невская церковь снова православная.

Поезд «Лев Толстой» привез меня на землю обетованную.

Как сказал великий классик: «..все смешалось в доме Облонских...» - подумать только: *сейчас рядом с Халила в Краснофлотском (в бывшей финской деревне Макула) находится страусиная ферма!!!*

Туда мы не поехали. Зачем? К тому же это только на карте кажется совсем близко, да и Наташе пораозвращаться в Питер. Обратный путь мы проделали той же дорогой.

Гостеприимный Наташин дом, приютивший меня на эти незабываемые дни, расположен на Приморском бульваре, на берегу Финского залива. В ясную погоду из ее окон виден Кронштадт. Но я , выходя на балкон, все смотрела в сторону Халила, где прошло несколько месяцев детства моей бабули...

**Счастье – что оно? Та же птица!
Упустишь – и не поймаешь!**

Скажите, а можно ли описать счастье, особенно когда его так нескромно много? ... Оно повсюду здесь для меня рассыпано, на карельской земле, так тепло описанной бабушкой. Воспоминаниям её детства нынче исполняется 100 лет и они так милы мне...

Долго будет Карелия сниться...

Будут снится с этих пор

Остроконечных слёз ресницы

Над голубыми глазами озер...

Было это в 2007 году, а в 2009 году я получила от судьбы ещё один подарок, благодаря бабушкиным воспоминаниям. Но каким хитроумным способом этот подарок сделала мне судьба! Для того, чтобы это произошло мне надо было:

1. Написать свою объемистую семейную хронику
2. Журналу «Провинция» напечатать её
3. Российско-Казахстанской электронной библиотеке поместить мою хронику на своем сайте
4. *А кто-то в море информации, отыскат её для себя!!!*

Меня вызвали по телефону прямо с работы: «Вас разыскивают родственники». Начало было многообещающим, прямо как в телепередаче «Жди меня». Сердце сначала замерло, а потом забилось быстро – быстро: «Неужели это правда?!» Всю свою сознательную жизнь я знала, что у меня есть только дядя, Заборовский Сергей Иванович, родной брат моей мамы, который живет с семьей в Москве.

Но обо всем по порядку. Оказывается на сайт Российской-Казахстанской электронной библиотеки пришло письмо:

«...Добрый день! Прошу оказать мне помощь! Мною в интернете прочитан рассказ, опубликованный в журнале «Провинция», написанный Ириной Андреевой, о ее дедушке Заборовском Иване Федоровиче. У меня есть очень ценные сведения о Заборовских, т.к. мой дедушка – Заборовский Александр Федорович и ее дед – родные братья!

За долгие годы мной собраны солидные сведения о нашем роде, кроме того я сейчас пишу дипломную работу по нашей родословной, в докладе обещали помочь в подборе материала через центральный архив. Прошу, Вас сообщите Ирине Андреевой мой электронный адрес или мне, пожалуйста, пришлите ее электронный адрес. Заранее благодарю.»

Далее мне вручили лист бумаги, на котором «птичьим» электронным языком (яндекс...ру...майл...) был «зашифрован» человек без имени, пола, местонахождения... Скорее же писать ответ по указанному адресу! Тут же я составила сумбурное короткое письмо – и... на другом конце связи у адресата ликовались! Мы нашли друг друга!

Кто же это? Мой «литературный опус» обнаружила внучка родного брата моего деда, т.е. моя троюродная сестра Инна Ленская. Могла ли я предположить, приезжая практически каждый год в Москву к моему любимому дяде, что едва ли не на соседней улице огромного мегаполиса обосновался «целый клан» (!!!) наших близких родственников? Да что я? Мой дядя и

сам не подозревал, что всю жизнь свою он провел рядышком с двумя своими двоюродными сестрами, их пятью дочками сыновьями, да ещё и семерыми внуками и внучками! Ни разу не увидев их в глаза! Все это веточки одного дерева. Родоначальника его – Александра Федоровича Заборовского, родного брата моего дедушки, нет уже в живых . Утрачен и адрес после его смерти, однако воспоминания о нем, не стерлись в моей памяти, т.к. он тоже является героем моей повести «Чтобы жизнь повторялась сначала» (см. глава «Встреча через 40 лет» ст. 45)

Вернувшись из библиотеки, в тот же день я с удивленной энергией обратилась к фотоснимкам с изображением дедушки Саши, хранящимся у нас.

Мои родные откликнулись в апреле прошлого года, а летом 2009 г. поезд мчал меня в Москву на встречу с ними. Какие они, мои новые родные? Хвала всемогущему, они оказались моими единомышленниками, т.е. интересующимися своими корнями и, главное, сохранившими семейный архив. И какой богатый архив!

Эмоции перехлестывали при встрече через край! Мы так взаимно дополняли друг друга! Стоило кому – то из родственников показать старинный снимок и назвать имя , у меня непременно был припасен хотя бы короткий рассказ о нем! Так сложилось, что в моем архиве, в основном, содержится фактический материал, а в их архиве – преимущественно иллюстративный! И это так важно для меня – ведь я никогда не видела многих персонажей воочию...

Так было и с самой дорогой для меня фотографией, запечатлевшей нашего прадеда Федора Константиновича и нашей прабабки Апполинарии Иосифовны Зaborovskikh, о которых я так много слышала в детстве. С помощью моих родных, пращуры обрели реальное изображение. Эта фотография была когда – то и в нашей семье, да затерялась в житейских передрягах. А я ведь

могла никогда не увидеть их лиц! Скептик скажет: «Я тоже никогда не видел своего прадеда и никаких мук при этом не испытываю. Зачем это надо? Объяснить ему значение находки я не могу – это надо чувствовать! Не понимая этого, ни за что не возьмешься обрабатывать горы старых документов, писем, выстраивать все в нужном порядке!»

Теперь, когда я продвинулась в своих изысканиях ещё на шаг, я знаю какой это непростой, кропотливый труд! Но знаю, одновременно, как приятно получить плоды этого труда. Запечатлев в детской цепкой памяти воспоминания о своих предках, я и не предполагала тогда , какое непростое дело предстоит в работе с этими воспоминаниями. Мне, нынешней, безумно нравится такой стиль жизни: сначала накопить огромный энергетический заряд при работе с историческими материалами, подкрепленными неосязаемыми, эфемер-

ными воспоминаниями их современников и, главное, написать об этом, с желанием быть объективной и не- предвзятой.

Как странны прихоти воспоминаний!
Воспоминания не закажешь по меню,
Не выберешь, которое желанней,
Не приурочишь к заданному дню...
А, ну-ка, упрекни их за неверность!
А, ну-ка, им устрой переучет!
Они внезапно выплываю на поверхность,
И время их по своему течёт...

А вот фото той же супружеской четы Заборовских, но 26 лет спустя. Смотрю на их милые, но постаревшие лица и благодарю новых родных за такой бесценный подарок! Здесь они сняты вместе с сыном-гимназистом Иваном (моим родным дедушкой Иваном Федоровичем).

Описывая жизнь своих предков по линии Заборовских, я ссыпалась на словесные подтверждения деда и бабушки о гербе «Стремя» рода Заборовских. Я и не знала, что в это самое время моя трою-

родная сестра Инна даже ездила на дворянское собрание в Выборг со всеми регалиями, сохранившимися у них в архиве. Благодаря моему знакомству с новыми родными, мы с Вами можем рассмотреть герб во всех подробностях. Это изображение герба даже сопровождается подробным рассказом, дающим новую нить для поисков, уходящем корнями в глубокую древность.

Щитъ раздѣленъ перпендикулярно на дѣль частинъ, изъ коихъ въ правой въ золотомъ полѣ изображенъ сидящий на черномъ Медведь Діва въ бѣлой Одеждѣ, имѣюща на главѣ Вѣнецъ и волосы распущенныя, а руки съ спуркомъ, на которомъ привязанъ Медведь, подъятыя въ верхъ. Во второй части въ красномъ полѣ золотое Спремъ висящее на Ремахъ. Щитъ увенчанъ обычновеннымъ дворянскими нащомами съ дворянской на немъ Короною, на поверхности которой виденъ между двухъ Оснныхъ рогъ чёрный Медведь держащий въ лапѣ ржаный Колоколь. Печать на щите золотой, изображенный голубымъ.

69

Родъ Заборовскихъ происходить отъ выѣхавшаго изъ Великому Князю Василию Ивановичу изъ Польши Мужа чеснаго на Дмитрия Заборовскаго называемаго Гвоздь, котораго Великий Князь пожаловалъ воншинами. Поморки его, Заборовские, многие Россійскому Престолу служили Намѣсниками, Спольниками, Воеводами и въ иныхъ знатныхъ чинахъ, и жалованы были отъ Государей помѣстными и другими почетными и знаками Монаршихъ милостей. Все сіе доказываются справкою разрѣзного Архива и родословною Заборовскими.

Такъ что, выражаясь церковно-славянскимъ языкомъ, «ищите и обрящете»!

Ну чемъ не передача «Жди меня», сотворенная собственноручно!

Приложение

Белополье. Взрослая жизнь.

Наконец горячо любимая Ольга дома... Иван Петрович раньше посмеивался над мамочками-кумушками, соседками-наседками, которые заботились о замужестве своих дочерей, начиная с 16 лет, подыскивая им подходящую партию для замужества. Однако, не думать о будущем его собственной ученой умницы отец конечно же не мог...

Сначала в шутку, а потом и всерьез он указал Ольге на знакомого генерала-Владимира Диоскоровича Киселева. Этот генерал, без малого, годился Оле в отцы!!!

Тот был влюблён в Ольгу. Да она посмеивалась над папиным советом: Владимир Диоскорович стар, глуповат- как все молодящиеся старики: «Лелешка,-говорил он Оле-ты будешь одеваться по картинке!(так он называл журнал мод)». Ольга заочно называла его КИСЕЛЬ.

А отец продолжал медленно, но верно уговаривать дочь: «Ну зачем тебе моло-дой? А этот генерал всегда при тебе. Заболеешь ты-он возле ног твоих будет сидеть!».

Но это слабый аргумент для девушки в 20 лет....

Я думаю Оле захотелось бежать без оглядки от богатого жениха.

У Ивана Петровича Воронина в Белопольи жил кум: Константин Францевич Ральф. Он приходился Оле крестным отцом. Константин Францевич был городским головой, почтмейстером. Дворянин имел 4 дома в Белопольи и выезд (12 лошадей и экипаж) обожал быструю езду. У него и кучер был специально обучен на полном скаку круто осаживать лошадей. Бывало, что и экипаж разбивался в щепки! Но самое худшее было то, что он еще и уговаривал свою жену прокатиться с ним. Отказать ему было невозможно, так хотелось городскому голове проехаться с шиком по городу с женой вместе! Бедняжка не раз страдала из-за этих прогулок. Однажды во время такой прогулки жена Константина Францевича получила телесноеувечье(была выбита лопатка), а было и такое: что каталась с ним будучи в положении - случился выкидыш...И тем не менее ничего не мог поделать со своей страстью Ральф К.Ф..

Для Ольги были открыты двери в его гостеприимный дом, где все было поставлено «на широкую ногу». Оля только что вернулась из Швейцарии, и ее первый взгляд на маленький городишко-Белополье не вызывал радости, после увиденного за рубежом. Вот каковы были первые впечатления (из письма моей бабушки) «Мой брат, Петя, увидев городок, после Москвы, Петербурга, прямо пришел в отчаяние, решив, что кто будет жить в подобном месте должен от тоски- мужчина спиться, а женщина стать особой легкого поведения...

Но у нас в мужской и женской гимназиях было более 40 преподавателей со средним специальным и высшим образованием и ни с кем никаких ужасов не случилось! Особенно легко и беззаботно жилось здесь холостякам на полном пансионе и недорого. Самая высокая цена пансиона была 25 рублей. А я например, на первых порах получала уже 90 рублей! Так что денег оставалась уйма!!! Кормили нас как на убой: разнообразно, много птицы (утки, гуси) фрукты, овощи. В больших городах такой лафы и за 60 рублей не найдешь! Город стоял на железной дороге, окруженный губернскими городами: Киев, Харьков, Курск, Полтава. Больше 8 часов никуда не было езды...»

Работать юная Воронина Ольга Ивановна(моя бабушка) стала в женской гимназии. Начальницей гимназии была Селихова Надежда Федоровна. В своей биографии она имела печальный факт-ее любовник был настоящим проходимцем. Выяснилось к тому же , что он торговал живым товаром и был сутенером. Но то, что он поставлял девушки в публичные дома стало известно потом, после разрыва отношений между ним и Селиховой. Однако тень пала и на саму Надежду Федоровну.

Спасло ее то, что сам царь, Николай второй, отметил начальницу гимназии по работе, т.к. женщина она была очень деловая и передовая. Тогда общественность Белополья, «всем гуртом» постановила опять восстановить Селихову в должности.

Ольга Ивановна стала преподавать иностранные языки в женской гимназии, когда эта история была в прошлом. Появились у Оли взрослые подруги-

преподавательницы: Зинаида Викторовна - классная дама, всего на 2 года старше Оли (в Белополье приехала она из Харькова).

А еще близкой подругой и наставницей стала Елизавета Ивановна, она тоже была классной дамой, но на целых 12 лет старше Оли.

Иван Петрович Воронин не оставил своей идеи выдать дочь за генерала Киселева. И наседал на дочурку особенно рьяно. Когда Кисель приезжал в Белополье, он любил прогуливаться с Олей в городском саду. При ходьбе он сильно раскачивал бедрами, т.к. неумеренно располнел в последнее время. Олю буквально тошило от его присутствия. Тем более что, прогуливаясь, при неприятных для Оли, разговорах о замужестве, генерал при каждом шаге своим гипертрофированным задом толкал барышню в бок. Отвратительный тип!

Однажды поздним вечером вся молодежь Белополья прогуливалась в парке. Оля прохаживалась под руку с Елизаветой Ивановной и рассказывала какую тяжелую задачу ей предстоит решить в ближайшее время. Помнится, что Елизавета Ивановна категорически возражала против решения Ивана Петровича выдать дочь за генерала. Бедная Оля целиком и полностью была согласна с мнением своей взрослой подруги. А тут такой чудный вечер, все в цвету... Но неприятным контрастом, как гвоздь засела мысль о предстоящем ненавистном замужестве.

Но кто это подходит к ним? Очень красивый молодой человек представился Оле-Иван Андреевич Коваленко.

Оказывается Елизавета Ивановна знакома с ним. Она рекомендует Ивану Андреевичу с помощью Оли совершенствоваться в знании иностранных языков. Слово за слово и вот уже назначен день и час первого и последующих занятий, которые очень быстро переросли во взаимную симпатию между молодыми людьми.

Очень скоро Иван Андреевич сделал предложение руки и сердца прекрасной молодой учительнице. И Оля не устояла, сравнивая перспективу замужества с таким чудесным молодым человеком, противопоставляя ее перспективе замужества с Киселем. Она ответила И.В. Коваленко согласием, но... честно призналась: о любви к Ивану Андреевичу говорить пока не приходится. Ему нужно сначала стать ее мужем, дабы избавить Олю от посягательств со стороны Владимира Диоскоровича, а уж потом, ВОЗМОЖНО, вызвать ответные чувства у невесты.

То есть, становясь официально мужем, он не будет являться им фактически до той поры, пока Ольга Ивановна не узнает его лучше и не влюбится в него. Иначе...не сегодня-завтра отец настоит на замужестве с Киселевым...и тогда... Ивась Коваленко сразу согла-

сился на все эти условия. Решено - они повенчаются и до окончания его учебы жить вместе не будут. Кстати, до окончания учебы ему оставался целый год(жениху было тогда отроду- 31, а невесте-21год.) То есть, венчание было задумано СПЕЦИАЛЬНО для Ивана Петровича Воронина, чтобы он оставил свою затею с «генеральской» свадьбой. Безусловно, Иван Андреевич импонировал Ольге своей красотой, умом, но кроме того, она еще и отсекала от себя (одним махом) навсегда! ненавистного Киселя.

Бабушка рассказывала мне - какая красавица была мать Коваленко!!!Она имела кроме Ивана еще 8 детей (Иван был самым старшим сыном).

Свадьба была пышная! Вся гимназия была в распоряжении новобрачных и их гостей. В церкви при венчании - столпотворение.... Ольга Ивановна вспоминала, что все было так шикарно и так...быстро распалось...потом. А все потому, что никогда не узнать человека за несколько дней. Зато при близком рассмотрении становится ясно - красота это не главное.

Новоиспеченный муж тут же нарушил основное условие этого брака - он заявил свои права на жену. Да и как могло быть иначе? Каково мужу быть таковым по закону и перед Богом и не быть таковым на деле... Но факт остается фактом: как только Коваленко приближался к жене, так сразу и получал отпор..Понятно, что скоро и мать Ивана Андреевича узнала о таком странном браке сына и была почти напугана подобным, неслыханным поведением невестки: « Боже ж мий! Да як же воно так?!», -восклицала она.

Для Оли же скоро стало понятно, что ею совершена непростительная ошибка...

В то время Иван Андреевич практиковал в клинике у врача-француза Гарнье. Именно тогда стало известно, что Коваленко при осмотре женщин-больных допускает вольности, пристает к пациенткам... Гарнье в приватном разговоре с коллегой сказал Коваленко, что если это еще раз повторится он выгонит его из клиники «поганой метлой».

Этот мерзкий случай не был известен молодой жене, ее мучили другие вопросы-как например такой огромный мужчина, весь как горилла покрытый шерстью («настоящий мачо», по-нынешнему) -и вдруг дико боится кошек!!! Стоило в комнате появиться даже котенку-Иван Андреевич взбирался на стул ,как это делают женщины при виде мыши...

Или вот еще: нежелание расплачиваться за экипаж! Что это? - сверхскупость? Подъезжая к месту, где нужно выходить из экипажа, муж хватает вещи ,уносит их в дом, оставляя жену рассчитываться с извозчиком. И это происходит постоянно...

В общем, что переполнило чашу терпения Ольги Ивановны мне неизвестно, но она поняла, что никогда не сможет полюбить этого человека, так зачем же наводить тень на плетень? -она возбуждает дело о разводе в консистории. Муж, не теряя времени, едет жаловаться на жену начальнику округа Соколовскому. На что Соколовский указывает ему, что жаловаться не по-мужски и советует ему: « А вы влюбите в себя свою молодую жену так, чтобы она сама кинулась в ваши объятия!!!».Раздосадованный Коваленко, вернувшись

из округа, бросает Ольге: «Соколовский такой же как и вы!» Он твердо рассчитывал на то, что в обществе к разводу отношение будет отрицательным.

1. Надо было ясно обозначить сторону, виноватую в разводе.

2. Существовали пункты, по которым в законе считалось действительно невозможно сохранить брак (интересно, что одним из таких пунктов был... дурной запах изо рта у партнера по браку). Но главным пунктом противоречащим браку являлось, конечно, прелюбодеяние (измена). Виноватая в этом сторона не имела права заключать новый брак в течение 7 лет!

Трудно было ожидать, что мужчина, который уклоняется от уплаты за экипаж, поведет себя при разводе как джентльмен. Что он возьмет на себя добровольно вину, чтобы не портить судьбу молодой женщине. Дудки! Конечно он не содействовал, а наоборот сопротивлялся разводу как мог...

Помучиться с разводом пришлось... В письме бабушка вспоминает: «в свое время с разводом было у меня много гадости – не раз бывала я в консисториях, беседовала с батюшками... Вспоминаю тяжело несколько лет, которые я добивалась развода, а все считалась женой Коваленко.. Советская власть избавила меня от этого «удовольствия»...

Естественно, что за развод в консистории платила Ольга Ивановна, как возбудитель процесса-25 рублей. Деньги это в то время были немаленькие... Для сравнения, корову можно было купить за 20 рублей.

Итак дело тянулось до 1917года...За эти годы произошли сильные потрясения - смерть отца, эмиграция братьев за границу, революция...Самым ярким образом того времени в жизни Ольги Ивановны был человек души необыкновенной Николай Иванович Кононенко (прошу не путать с Коваленко).

На эту тему даже существовал анекдот: однажды поздним вечером, возвращаясь из гимназии, эта парочка предвосхищая вопрос военного патруля «Стой! Кто идет?», готовилась ответить так: Оля и Коля , Коваленко и Кононенко, ИВАНОВИЧИ...

Коля Кононенко в будущем станет врачом, героем войны 1941-1945г. г., спасет многих людей из концентрационных лагерей, за что будет казнен фашистами. Он станет прообразом доктора из книги «Это было под Ровно». Но об этом у меня есть отдельный рассказ - он опубликован в газете.

Приложение 2

НЕПРОСТАЯ СУДЬБА

Однажды моей бабушке Ольге Ивановне Задоровской пришло письмо от нескольких ее бывших учениц — Надежды Семашко, Марии Позуиной, Аристиды Назимко и Ионы Воронко. Они рассказывали о судьбе Николая Кононенко, одного из самых способных воспитанников ее. В нашем семействе, к сожалению, есть фотография этого черноглазого красивого парня. В те далекие годы никто и не подозревал, что жизнь Николая станет настоящим подиумом. Письмо это вместе с фотографией я хранию до сих пор, так как моя бабушка очень тепло рассказывала об этом чудесном человеке.

Оказывается, Николай Иванович стал врачом и долгое время работал в Белополье. В 1938 году он окончил аспирантуру при Московском медицинском институте, приехал в г. Чугуев Харьковской области. Работал врачом и преподавателем в медицинском техникуме, в свободное время очень любил играть на скрипке и фотографировать. Телогуту его сердца всегда он завоевывал уважение не только среди раненых, но и среди иностранной врачебной коллегии — его направляли в Эдельштадтскую консультацию. Хороший доктор, прекрасный человек — он завоевал уважение не только среди раненых, но и среди иностранной врачебной коллегии. Ему верили, его поддерживали, чехов, врачом. Хороший доктор, он встал на путь борьбы с фашизмом, организовал госпиталь для раненых. Ему верили, его поддерживали. Здесь он завоевал уважение не только среди раненых, но и среди иностранной врачебной коллегии — его судьба. С первых дней войны Кононенко идет в действующую армию. Вместе с военным госпиталем он перемещается через Купянск, Луганск, Кременчуг. Здесь госпиталь попал в окружение. Первая мысль, пришедшая Николаю Ивановичу в голову — бежать. Но вагитная из госпитального палатки, откуда донеслись стены фашаизма. В конце 1943 года в госпиталь прибыл тяжело раненный боец Юрий Крамар. Врачи, санитары дни и ночи проводили у постели больного и, на свою беду, спасли ему жизнь. Кратко успел многое рассказать Юрию Крамару, он донес на увидеть. Оказавшись в плацдарме, он донес на перед рубежами, чтобы донести о том, что Крамар — предатель, вытащил его из скопинской концентрационной лагеря для военнопленных концлагеря. Организация эта зверем проросла в Балакиревский центр антифашистской борьбы, который внес немалый вклад в дело освобождения Узников фашизма.

Николаю Ивановичу пришлось побывать в Невельской концлагеря для военнопленных концлагеря. Организация эта зверем проросла в Балакиревский центр антифашистской борьбы, который внес немалый вклад в дело освобождения Узников фашизма.

Ирина АНДРЕЕВА

из госпиталя, но аресты были. Прошло совсем немного времени, и фашисты сняли на видеокамеру в госпитале. Кононенко и его верных товарищей забрали в гестapo. Стояло и музыкально перенесли они все мукини во время допросов, но не выдали участников подпольной организации. Тогда арестовали всех врачей, санитаров, обслуживавший персонал и раненых из отделения, возглавляемый Николаем Кононенко. Они были по дому занесены в камеры и отправлены в Маутхаузен, фашисты вылавливали всех, кто хоть раз побывал на излечении в Эдельштадтской консультации. Там времянем Кононенко как организатора сопротивления отправили в концлагерь Эбензее. В октябре его снова вернули в Маутхаузен — это означало: на расправу, на казнь.

Подпольная организация решила сократить жизнь Николая Ивановича. Врач Иосифович предложил «хорошо» Кононенко в течение недели умереть раненого, а на самом деле спрятать. И под чужим номером и именем переправить в другой патруль. Кононенко отказался: фашисты не побоятся, начнут искать и найдут его, а это значит пронесут подпольную организацию. Меня очень трудно спрятать. Перед открытием солдаты сняли отпечатки пальцев. Не спрятаться мне от них. А вы делаете великое дело. Участвуя в моем судьбе может все покупать», — так отвечал товарищам Николай Иванович. Когда его уводили на расправу, он мужественно сказал: «Уди на смерть!». 7 октября 1944 года его с другими советскими офицерами расстреляли. Н.И. Кононенко был основателем подпольной организации в Эбензее-Балакиревском концлагере. Организация эта зверем проросла в Балакиревский центр антифашистской борьбы, который внес немалый вклад в дело освобождения Узников фашизма.

Ирина АНДРЕЕВА

Фото из семейного архива

На СНИМКЕ: Н.И. Кононенко
Фото из семейного архива

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО БУФЕТ

На что уходит время?
Оно уходит на воспоминания...
Я помню наш коричневый буфет
Со львиными лохматыми башками,
С доскою выдвижной для резки хлеба
И с будничным столовым серебром
В наследство от пра-пра-кого –
не знаю...

Михаил Танич

В нашей семье из поколения в поколение по наследству передавались старинный буфет, письменный стол, книжная полка, стол с гнутыми ножками и четыре стула. Вещи эти пришли к нам из XIX века от моих пращур, пережили революцию, первую мировую и Великую Отечественную войны. Они убегали, как и их хозяева, от голodomора, прятались в лихую военную годину в глубоком тылу... Несколько поколений людей состарились рядом с этими вещами. Постарели и они сами... Вещи ведь, как и люди, имеют свою историю, свою судьбу...

1932 год. Наша семья жила тогда на Украине в городе Сумы и состояла из четырех человек: мои дедушка и бабушка, еще совсем молодые, и двое их детей:

дочь - 11 лет и сын - 9 лет (это в будущем мои мама и дядя).

Детский дневник моей мамы сохранил такую запись: «Бывает, купят хлеб, а кто-то подбежит и выхватит его! Вора схватят, бьют, а он под побои ест. Вот такие дела творятся».

Семья понимала, что если и дальше так пойдет, им грозит голодная смерть... Очень убедительным показался ответ из организации «Облтрактор» из Петропавловска: «Предложение подтверждаем. Квартирай обеспечим. Выезжайте». Эта телеграмма до сих пор хранится у нас в семейном архиве.

Начались сборы в далекий Казахстан. Все тот же детский дневничок это подтверждает: «Папа получил предложение в Петропавловск. Ехать туда дней 5-6. Пианино мы, наверное, оставим, а в Петропавловске купим другое». Пианино действительно пришлось оставить родственникам - не везти же инструмент за тридевять земель! Но его Величество Письменный стол, его Высочество Буфет, книжную полку, старинные обеденный стол и стулья, абажур погрузили в контейнер и отправили в пункт назначения. Вещи были упакованы с особым трепетом, свойственным аккуратной натуре отца: ножки стульев были обмотаны полосками ткани (ленточки нарезали из старых простыней).

*Там был еще скрипучий гардероб,
И паштет его зевала нафтатином,
Но надо всем главенствовал буфет!

В листочках, с деревяным виноградом,
Как символ прочной, хлебосольной жизни,
Которая окончилась давно,
А к нам и отношения не имела.*

Михаил Танич

С собой путешественники взяли лишь самое необходимое, в основном одежду. Мама пишет в дневнике: «...пришел поезд, мы в него сели в 7 часов вечера, так что впечатлений за ночь не было никаких. Выспались мы хорошо. Но, проснувшись, заметили, что пропали следующие вещи: папин пиджак, мамина кофта и мой свитер. Мама и папа пошли к кондуктору. И он сказал, что подобрал в проходе женскую кофту и детский свитер, а пиджак так и пропал. Счастье, что в пиджаке не было ничего.

Приехали мы в Пензу. Папа встал в очередь за билетами. Стоял долго, но даже к 12 часам ночи билетов не достал. Куда нам деваться? Спали на вокзале...

Утром папа опять встал в очередь. Потом мама его сменила, и он сходил в город и купил здоровенный арбуз за 6 рублей. Сели завтракать. После завтрака арбузные корки выбросили в урну, а цыгане достали их и принялись опять обедать...

Вот мы и приехали в Петропавловск. На станции пришлось дожидаться утра. Утром мы поехали в Дом

крестьянина. Город грязный, тротуары деревянные кое-где. В Доме крестьянина спать невозможно - столько клопов! Папа пошел в «Облтрактор». Квартиры для нас нет. Один служащий пустил нас к себе на кухню. Так прожили мы у него 8 дней...

Квартира быть должна, но ее нет. И деваться некуда - а по необъятным просторам страны следует багаж с мебелью и хозяйственным скарбом. Когда еще придет и куда?!

Пришлось ехать в с. Боголюбово. Там квартиру дали сразу, но, кроме больших, как сундуки, корзин,нести в жилье было нечего. Так первое время и спали: мы - на крышках корзин, а родители на полу...

Добрым гением семьи стала соседка Агафья Петровна, т. к. именно она снабжала всем необходимым по хозяйству, пока не прибыла следовавшая «тихим ходом» по железной дороге мебель. Соседка была неграмотная, а муж ее, военнопленный австриец Адам, почти не умел говорить по-русски.

Адам не оставлял надежды вернуться на родину, в Австрию, и потому время от времени писал письма в консульство («конзулу» - как говорила Агафья). Писать письма в консульство приходилось просить любого грамотного человека. Не избежал этой участи - «писать письмо «конзулу» - и мой дедушка. Так уж получилось, что именно после ходатайства, написанного рукой моего деда, Адаму наконец пришел долгождан-

ный положительный ответ - теперь австриец мог возвратиться на родину. Благодарности Адама не было предела!

А тут как раз прибыл в Петропавловск его Высочество Буфет. В нашей семье Адам оставил о себе добрую память еще и тем, что именно он привез в Богослово багаж в несколько приемов. По морозу, на лошадях, по санному пути. Спасибо Адаму! Вещи эти «живы» и поныне.

Квартиру в Петропавловске (как в пословице - «обещанного три года ждут») выделили лишь в 1935 г. Квартира - это слишком сильно сказано! Была одна комната, разделенная ширмой на две половины, и общая (с соседями Аманбаевыми) кухня. Громоздкому буфету из-за тесноты было выделено место, не соответствующее его высокому происхождению - на общей кухне. Рядом с буфетом обе семьи вечерами пили чай. Сохранилось фото с малышкой Радальей Аманбаевой. Спустя несколько дней этой девочки не станет - она умерла от скарлатины, так что это ее последняя фотография. А нашему буфету человеческие трагедии ни почем. Его резьба все так же красива и ажурна.

Фотоаппарат в любой семье в 30-х годах был большой редкостью. Одноклассники, соседи, друзья, подруги становились объектами фотосъемок, а излюбленным фоном служил все тот же старинный буфет, при-

везенный с Украины и благополучно «перекочевавший» в городскую квартиру.

С фотографирована на фоне буфета и дочь знаменитого командарма Иеронима Уборевича - Надя Уборевич. В годы репрессий он был объявлен врагом народа. Девочку заставили отречься от своего знаменитого отца, публично, через газету. Надо только представить состояние девочки, которая еще недавно бывала у отца в Кремле, видела совсем близко Сталина, а теперь жила в Петропавловске у тети, взяла ее фамилию и стала никому неизвестной Надей Завьяловой.

А наш буфет доносов не боялся, он радушно принимал в свои объятия всех - чинов и ранги для него не существовали.

А потом началась война... Для моего дедушки главной задачей в то время было растигать хлеб для фронта. Сын ушел защищать Родину прямо со школьной скамьи, стал участником Курской битвы. Подчиняясь требованиям военного времени, семья переехала в Кызыл Аскер.

В эти тяжелые дни было не до фотосъемок. И все-таки фотодело не было заброшено: эстафету приняла дочь (моя мама). К нашему дому в Кызыл Аскере потянулись жены и матери фронтовиков с детьми, как здешние, так и из ближнего села Леденева.

Сколько солдат получили на фронте снимки своих домашних на фоне благородного буфета с виноградными листьями и львиными лохматыми головами?

Миновало лихое время. Мы родились уже после войны, спустя 10 лет. Настали дни, когда я осталась один на один с его Высочеством Буфетом. Давно умерли дедушка и бабушка, а потом и мама. Пришлось сдавать внаем ее квартиру вместе с вещами. Что скрывать, содержать пустующую квартиру мамы, да еще и свою собственную для меня и моей семьи в перестроенное время было не по карману. Квартирантам величественная громада буфета мешала. Им даже Большая Советская Энциклопедия казалась ненужной:

«Выбросили бы вы этот хлам, - говорили они. - Зачем это вам? Ведь уже и Союза нет!».

Думаю, буфет, книжная полка, письменный стол, безмолвные друзья моего детства, не только давили их своим величием, но и даже изгоняли из своих владений чужеродных им людей. Как бы ни было жаль старую мебель, но вещи ветшали, «поработал» над ними и жук-древоточец...

Как-то пришла мне в голову мысль: а что, если бы музей заинтересовался моими раритетами?! Музей - вот достойное место: здесь вещам дадут новую жизнь, отреставрируют, и я всегда могу сходить повидаться с ними. К сожалению, во время перестройки музей переживал тоже не лучшие времена. Началась волокита:

то нет реставратора, то нет места... Но вот как-то появился, откуда ни возьмись, частный коллекционер.

С его Высочеством Буфетом я прощалась как с живым существом. Коллекционер увез буфет из родного дома с его энергетикой и моими слезами. Когда дом лишился своего «главнокомандующего», мои квартиранты, собрав нужную сумму, выкупили у меня мамину квартиру... Но не прошло и 2-х недель после «отторжения» (таким страшным словом называется один из пунктов купли-продажи), как мне позвонил тот самый коллекционер, что приобрел дорогую мне вещь.

Первое, что он спросил меня:

- Вы сейчас стоите или сидите?
- Стою.
- Лучше сядьте! Я перекупил вашу квартиру, и отреставрированный буфет уже вернулся в свои родные пенаты!

Разве это не чудесные превращения и перемещения?!

Прошло несколько месяцев... Как-то зимой муж зовет меня к телевизору: «Смотри, по местному телевидению показывают наш буфет!» Смотрю - действительно, тот самый коллекционер, он же реставратор, на фоне его Высочества Буфета дает интервью о своей коллекции. Вид у буфета бравый, он сверкает новым лаком, утраченные детали с мастерством выточены, подогнаны по цвету. И вообще он выглядит так, что

становится понятно: жизнью своей он доволен, ему хорошо живется в родной квартире. Оказывается, он уехал, чтобы вернуться. Стало быть, и моя мечта сбылась, его Высочество Буфет находится в мини-музее, он занял там свое достойное место, где его никто не побеспокоит и где он сможет спокойно предаваться воспоминаниям о былой своей жизни...

Послесловие.

Как бы мне хотелось, чтобы такое славное изменение в судьбе его Высочества Буфета увидели мои милые родные. Увы! Жив лишь дядя, офицер ВМФ в отставке, участник Великой Отечественной войны. Он приезжал из Москвы в год 65-летия Победы ко мне в гости. Немало радостных и печальных воспоминаний было между нами. По выражению дяди: «Он - единственная ниточка, которая связывает меня с дорогим прошлым». Я предложила ему сходить на ту, родную нам обоим квартиру, где он часто бывал раньше у сестры, при ее жизни. Дядя сомневался: «А стоит ли? Там нашего ни звука, ни следа...».

Встретили нас радушно. Каково же было удивление дяди, когда он увидел своего доброго Друга из довоенного детства - его Высочество Буфет. Мы попросили сфотографировать нас на фоне реликвии. И теперь у меня в альбоме есть снимок убеленного сединой дяди с историческим для семьи буфетом, а соседствует с ним фото 75-летней давности, где дядя - еще совсем мальчишка десяти лет.

А над его Высочеством Буфетом время не властно...

Приложение 4

И НА ПОЛКАХ
“СНЕВ” КОМПАНИИ...

Для меня все началось с семьи, которых были старше меня.

Написаны даже с «затей».

Приблизитъ сънне Енум. Дол-

А ведь действительно, у старинных запахов особенный, замечали ли вы это?

но все же нечто вспомнилось... Таня, сидя на лавке недалеко от меня, сказала: «Ты же не хочешь, чтобы я стала певицей?»

— живущий, вынужденный проплыть подводной лодкой в океане, — заявил капитан Альберт Киммерер, командир подводной лодки *НЛО-101A*, возвращавшейся из испытаний в Атлантическом океане.

Важнейшим элементом в истории изобретения, и мы все ее знали, подумал Михаил отослав пакет в сейф к ходам.

Быть АРТИСТОМ, А ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ! (ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО НЕ СЛЕДИТЬ ЗА СВОИМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ, А ПРОДОЛЖИТЬ СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ПРИДЕЛАНО) — Понимаю и люблю эти слова. Выразилась в «Балладе о гибели санкт-петербургского патриархата Петра I» в 1917 году Шиллером, а в 1930-х годах — в опере Глинки. Но я не могу сказать, что это мое личное мнение. Я ГУ ИНКУБАТОРЯ, И МОИ ПОДОБНЫЕ ИМЕНИЯ ТОЖЕ ПОДОБНЫЕ. ИМЕННО ТО, ЧТО ПОДОБНОЕ МНЕНИЮ, КОТОРОЕ Я ИМЕЮ, КОТОРЫЙ Я ИСКАЮ. И МОИ ПОДОБНЫЕ ИМЕНИЯ ТОЖЕ ПОДОБНЫЕ МНЕНИЮ, КОТОРОЕ Я ИМЕЮ, КОТОРЫЙ Я ИСКАЮ.

и народных сказках, где волшебство и магия, а также любовь и дружба, являются основными темами.

Всегда считал, что в детстве - это неловкое время, когда ты не можешь сидеть на месте, когда тебе хочется двигаться, исследовать мир. А сейчас, спустя полвека, я понимаю, что это было самое правильное время в моей жизни. Тогда я начал учиться ходить, и это было самое интересное время в моей жизни.

Брандтсберг и написал мне, своим ученикам, слова непреклонные по смысли: «Читай много, но с разбором, потому что это полезно».

и в то же время, я не могу отрицать, что я неоднократно слышал от людей, что я «злой». Например, Бонни спрашивала меня: «Почему вы постоянно грустите?» Я отвечала ей: «Я грустю, потому что я умираю, потому что я живу». Я хотела сказать ей, что я живу и умираю одновременно и всегда пыталась это объяснить ей...»

МОСКОВСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАНСТВИЯ

Литературный жанр называется бесплатной. Абель Стодгауз называет пьесу «драмой с комедийным элементом». Но для этого нужно знать, о чём идет речь. Актёры, выступающие на театральной сцене, должны быть готовы к тому, что им предстоит исполнение роли, подчиняющейся определенным правилам. Их действия должны соответствовать этическим нормам, а их слова — выражать истинные чувства и мысли. Важно помнить, что любое действие, даже самое простое, может привести к нежелательным последствиям.

Библиотека все, что было дома, брал в книжной библиотеке. Очень мне нравились книги Альбердатовой «Библиотека античной культуры». В этом поиске я

«Английский язык в мире» — это книга для изучения языка как инструмента общения.

но не захотел, пока, по его мнению, не выйдет из киевского вуза. И в 1990 году Михаил Григорьевич, как и многие другие выпускники, уехал из Киева в Москву на лето, чтобы отдохнуть. Там он познакомился с Еленой Савченко, студенткой факультета журналистики МГУ им. Ленина. Их отношения, как и отношение к профессии, были основаны на взаимном уважении и любви.

— садные без головы, «гипноболо-
нистовера Гарина».

Но, несмотря на то что я не занимался волейболом, потому что у меня были другие интересы, я всегда с удовольствием отдавался ему. А вот как Глен Сорбенсон, исполнительный директор профессиональной гандбольной лиги, описывает свою любовь к волейболу: «Мне нравится волейбол, потому что он волейбол». Так что же такое волейбол?

У Шамотула.
Ирина АНДРЕЕВА

ДОМ СТРОГАНОВЫХ.

Эту историю рассказала внучка известного русского зоолога Сабанеева Леонида Павловича (1844-1898 гг.) Галина Николаевна Гершунова. Она была племянницей старейшего преподавателя школы №1 г. Петропавловска Павла Александровича Овчинникова. Галина Николаевна живет в нашем городе, здесь и родилась, поэтому знает и помнит многое о старом Петропавловске. Рассказ о коменданте крепости св. Петра и Павла - Строганове Василии Ивановиче, о его жене - Пелагее Ефимовне, а также об их пятерых дочерях, не может не заинтересовать каждого из наших земляков.

Откуда же Галина Николаевна так хорошо знакома с семейством Строгановых? «Хоть я была тогда маленькой, - начала свой рассказ Гершунова, - но отлично помню энергичную седую женщину, жену В.И.Строганова, часто бывавшую в гостях у моей бабушки - Ирины Федоровны Крутиковой. Самого коменданта крепости в ту пору уже не было в живых. Революция 1917 года была милосердна к нему, а вот тридцатые годы, время репрессий, не пощадили этого человека. Он был арестован, да так и исчез в неизвестности. Дочери же Строгановых, особенно Таисия, были

близкими подругами моей мамы - Марии Крутиковой (в замужестве Сабанеевой)..."»

На стол легла фотография, бережно хранящаяся в семейном альбоме Галины Николаевны, - две юные девушки сфотографированы в салоне лучшего фотографа Петропавловска В. Аппельберга: слева - Таисия Строганова, дочь коменданта крепости, справа - ее подруга, Мария Крутикова, мать Галины Николаевны Гершуновой.

«В детских и юношеских воспоминаниях моей мамы, - продолжала рассказ Галина Николаевна, - непременно присутствовали дочери семейства Строгановых, так как по великим праздникам - например, на Рождество - их семья приезжала из крепости в свой городской дом и тогда подруги обязательно встречались».

Этот двухэтажный дом стоит и сейчас на возвышенном месте по ул. К. Сутюшева, 7, на въезде в город из-под горы, напротив драмтеатра. Является памятником архитектуры XIX в. При жизни Строгановых только часть дома была жилой, а остальную площадь занимало казначейство. Заканчивались праздничные дни, и вся семья Строгановых возвращалась обратно в крепость, где находилась постоянно рядом с Василием Ивановичем. Жили очень просто, питались из солдатского котла. Помещение, отведенное для жилья коменданту крепости, ничем не отличалось от прочих офицерских домов, прислуга - те же солдаты.

На валу Петропавловской крепости было 12 пушек. Нашу старую добрую петропавловскую пушку, что долгое время находилась в парке, помнят много поколений петропавловцев. Отмечена она и на карте города. И знаменита уж тем, что из нее в прежние времена не было сделано ни одного выстрела.

В «Словаре географии Российского государства» (под редакцией Щекотова) читаем: «...крепость св. Петра и Павла Тобольской губернии, в Ишимском уезде, на так называемой Горькой линии, находится в 53-х верстах от Полуденной крепости. Построена на высоком правом берегу реки Ишим. В крепости находятся: церковь, генералитетный казенный дом, квартиры офицеров, казармы для жилья нижних чинов и служебные флигели, пороховой погреб, гарнизонный госпиталь», давайте сравним это описание с описанием другой крепости: «... вы, молодые ребята, послушайте, что мы, старые старики, будем сказывать - ... N-ская крепость находилась в нескольких верстах от города N на крутом берегу реки... Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. Далее простирались ... степи». Думаю, каждый узнал пушкинскую повесть «Капитанская дочка».

Живой рассказ Галины Николаевны все время «вился» вокруг одной из дочерей коменданта нашей крепости. «Таечку, Таисию Васильевну, надо называть

не «капитанской», а полковничьей дочерью, т.к. Василий Иванович Строганов был в чине полковника. Жену же его, Пелагею Ефимовну, в городе величали «полковницей». Сохранилась фотография с изображением Пелагеи Ефимовны Строгановой, верной спутницы коменданта крепости св. Петра и Павла.

Даже при беглом взгляде на портреты Пелагеи Ефимовны и Таечки видно, как похожи мать и дочь. Время движется вперед, и вот уже Таю называют по имени-отчеству. Почему о жизни Таисии Васильевны Строгановой наша рассказчица, Галина Николаевна Гершунова, знает больше, чем о других сестрах Строгановых? А ответ прост: Таисия вышла замуж за дядю Галины Николаевны, известного старым петропавловцам замечательного педагога школы №1 - Павла Александровича Овчинникова. Прожили они всю жизнь в Петропавловске, вырастили детей: дочь Зою и сына Николая. Таким образом, одна из дочерей коменданта крепости Строганова Василия Ивановича нашла свое счастье, не покидая родного Петропавловска. Как же сложилась жизнь остальных обитателей дома Строгановых? Когда не стало родителей, в доме на ул. Карима Сутюшева долгое время жила старшая дочь Евгения с семьей. Нина прожила свою жизнь в Новосибирске, Таисия - в Петропавловске, Мария - в Москве, Антонина - в Ленинграде.

Жизнь прожить - не поле перейти! Как часто «сего величество - случаи» вершит судьбы людей! В подтверждение этого Галина Николаевна рассказала, что в семье у Марии вдруг произошло несчастье. Это случилось сразу после войны. Семья собиралась ехать на подмосковную дачу, и уже все сидели в машине. Муж Марии, полковник, недавно вернувшийся с фронта, вернулся на минутку в квартиру, чтобы взять какую-то забытую им вещь. А тут, на беду, разбушевался сосед по квартире - тоже фронтовик. Муж Марии зашел успокоить его, а тот выстрелил в «непрошенного» гостя из трофейного оружия. Ранение оказалось смертельным. Человек прошел всю войну, а тут...его настигла пуля.

У Антонины Строгановой еще более трагическая судьба. Она со своей семьей жила в Ленинграде. Муж Антонины - инженер - был арестован и объявлен врагом народа. Антонину тоже выслали в неизвестном направлении, где она и умерла еще до начала Великой Отечественной войны. Их сын Юра остался сиротой. Осиротевшего мальчика забрала в Петропавловск его бабушка - Пелагея Ефимовна Строганова. Он учился в школе №1 им. Ленина. Его одноклассники знали - Юра Васильев - племянник их любимого учителя Павла Александровича Овчинникова.

Всех людей, описанных здесь, давно нет в живых, а дом коменданта крепости пережил своих хозяев. И сейчас охраняется государством как памятник архитектуры.

Казенный дом.

После смерти матери и даже во время ее тяжелой болезни, Оленька и два ее брата – Петр и Николай были отвезены сначала к одной бабушке – в г.Ворожбу, а потом к другой – в г.Ромны.

Детям не говорили о постигшем их горе, они просто знали, что мама заболела.

Овдовевший Иван Петрович разрывался между двумя этими городами. Хорошо, что города находились на одной железнодорожной ветке (Либаво-Роменской железной дороге), а сам глава семьи являлся начальником железнодорожного депо сначала в Осиповичах, потом в Кашедарах и, наконец, в Минске.

Оленька вспоминает, как однажды папа привез ей скакалку («прыгалку» - как она ее называла). Иван Петрович сидел в саду на скамеечке и грустно смотрел, как его малолетняя дочь прыгает по дорожке, между клумбами осенних цветов...Оля, в свои 6 лет, была очень впечатлительна и чувствительна к перепадам в настроении отца. Она вдруг быстро подбежала к Ивану Петровичу, села с ним рядом, притихла и, внимательно глядя в лицо папы, своими чудными, карими глазами, спросила: «Ты плачешь? Не надо! Мама скоро поправится, и все у нас будет хорошо. Расскажи маме, как я научилась прыгать. » Что тут скажешь ребенку?

Позже, когда она учила меня (свою внучку) стихам Агнии Барто: «... я и прямо, я и боком, с поворотом, и с прискоком, и с разбега, и на месте, и двумя ногами вместе...», - думаю она всегда рисовала в своем воображении эту картинку: она и папа в осеннем саду, на скамеечке, с постигшим их непоправимым горем...

...Прошло время, и дети узнали, что они остались без мамы.

Для Оли в этом же печальном 1898 г. открылась вакансия в малолетнем отделении Николаевского полусиротского института в Москве, в той части ее, что именуется Солянкой. Это было детское учебное заведение для девочек-полусирот из дворянских семей. Я хорошо помню, как бабушка рассказывала мне, что малыши, знакомясь друг с другом, называли свое имя – фамилию, а потом интересовались: «*А у тебя кого нет: мамы или папы?*».

Конечно, любимую дочку можно было оставить в родительском доме, но у Ивана Петровича была посто-

янная дума о будущем детей. Хотелось ему, чтобы дети не были беспомощными, инфантильными, а сами про-кладывали себе дорогу в жизни. Заботился отец, чтоб не избаловать, не искалечить душу: «душа обязана трудиться и день, и ночь ... и день, и ночь...» У Оли и после смерти отца никогда не существовало слово «не хочу», зато постоянно звучало – «надо».

Я просыпаюсь поутру от мысли:
«надо», «надо», «надо»!
Я так живу... Я так умру...
Забыв здоровый сон провальный...
Живу с бессонницей вдвоем.
А это «надо» как дневальный!
Кричит умышленно:
«Подъем». И снова в путь. И снова надо.

Так она воспитывала и меня.

В воспоминаниях моей бабушки Оли о малолетнем отделении было много теплого, нежного. Свою наставницу, Ольгу Николаевну, Оля вспоминала очень часто, а став взрослой барышней, вернувшись со стажировкой из Лозанны (Швейцария), навещала ее в Харькове до самой смерти. Помню, она говорила, что в малолетнем отделении, в целях личной гигиены, всех девочек стригли «под машинку». Однажды, на прогулке, к изгороди подошел какой-то сердобольный старичок и стал разговаривать с детьми через резную ограду, при-

няв их из-за причесок за мальчиков: «-Ах, вы, мои батюшки, бедные сиротки! Ну, как вам тут живется?» - потом понял свою ошибку, по ответам девочек, и тут же поправился: «Ну, мои матушки, играйте – играйте!».

Братья моей бабушки сделали военную карьеру. Петя начал учиться в Московском кадетском корпусе, а Коля ещё долго «кочевал» от бабушки к бабушке, в силу своего малого возраста. Затем Николай учился в Орловском кадетском корпусе, да заболел малярией. Поправившись, перевелся в «новоиспеченный» Воронежский кадетский корпус. Оба брата окончили военные училища: Петя – Михайловское артиллерийское, а Коля – Николаевское кавалерийское. Став офицерами, братья жили в Полтаве до 1914 г., до начала первой мировой войны.

А как сложилась судьба Оли по окончании малолетнего отделения? Ученицей 4 класса девочка была переведена в Санкт-Петербург в женский Ксенинский полусиротский институт для девочек - полусирот из дворянских семей (институтом именовалось среднее учебное заведение, а вовсе не высшее как можно подумать, читая эти строки - И.С.А.)

Историческая справка.

«... В 1863 г. в Санкт – Петербурге в районе Благовещенской площади был открыт и освящен дворец для сына императора Николая Первого (Великого Князя Николая Николаевича). После его смерти в 1891 г. за ним осталось много долгов, и дворец был продан Министерству Двора. В 1895 г. во дворце для воспитания и образования 350 девиц дворянского происхождения был размещен женский институт имени Великой княгини Ксении Александровны, дочери Александра третьего. 6 апреля 1895 г. Ксенинский институт был освящен в честь бракосочетания Великой княгини Ксении Александровны с Великим князем Александром Михайловичем...»

Наступил 1902 г. Видимо финансовые дела в семье Ворониных были совсем плохи – ведь обучение детей в таких солидных учебных заведениях стоило немалых денег и тяжелым бременем ложилось на отца, которому приходилось тянуть на себе «всю тройку». Это было моему прадеду не по карману, но он ни на минутку не сомневался: учеба – первостепенна! Что-то надо придумать! Как – то выйти из создавшегося положения!

И тут на выручку Ивану Петровичу пришла теща – прапрабабушка Надежда Григорьевна Литвиненко. Если вы помните, она была вдовой потомственного по-

четного гражданина Санкт – Петербурга. Надежда Григорьевна написала прошение Великому князю Александру Михайловичу с просьбой помочь средствами в обучении своей внучки Оли Ворониной.

Ответ из высочайшей канцелярии хранится в москве архиве, хотя он истлел от времени, сломался в сгибах на четыре части, а одна четвертинка даже пропала при переездах. На утраченной четверти я поместила портрет самой покровительницы института Ксении Александровны.

Окружающие Ивана Петровича чиновники и их жены, осуждали его за то, что за ответом из высочайшей канцелярии он поехал не сам, собственной персоной, а отправил дочку, 12-летнюю Олю, воспитанницу 7 класса Ксенинского института. (Чтобы было понятно, скажу – в институте самым младшим был седьмой класс, а старшие воспитанницы первых классов презрительно называли младших – «семьмушки» - А.И.С.)

Пусть судит молва – отец был непреклонен – она, Ольга, сама должна пройти через эти испытания!

Моя бабушка Оля запомнила этот прием отцовского воспитания на всю жизнь. Мне в подробностях известно, как девочка – подросток, боялась этого вояжа, как дрожали и холодели ее руки от волнения и осознания значения этой поездки – она ведь понимала, что сдет во дворец, и от решения вопроса высокопоставленными лицами, зависит ее дальнейшая судьба... Экипаж был

оставлен на большом расстоянии от дворца. Дальше по Дворцовой площади надо было идти пешком – таков порядок! Трудно описать, что творилось в душе у девочки, когда она поднималась по широкой дворцовой лестнице, шла сквозь анфиладу залов, в каждом из которых сидел адъютант, передававший по телефону следующему адъютанту о юной просительнице.

Ответ был получен Олей прямо в руки:

«Ея императорское высочество Великая княгиня Ксения Александровна изволила поручить мне уведомить Вас, что входя в Ваше затруднительное положение, ея высочество соизволит платить въ Ксенінскі институтъ за Ольгу Воронину, воспитанницу 4 класса изъ ея собственныхъ средствъ. Генерал – майор Евреинов 13 ноября 1902 г.»

Зато как торжествовал отец: «Молодец, Ольга!» А всем окружающим, осуждавшим его, он сказал: «Моя Ольга – не то, что ваши дочки – курицы, которых вы не выпускаете из-под своих юбок!». Эта похвала была для маленькой девочки самой большой наградой!